ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

18 СЕНТЯБРЯ 1990 г., вторник, № 213—214 (19913—19914)

■ ОСНОВАНА В МАЕ 1925 г. ■ ОРГАН ЦК ВЛКСМ ■ ЦЕНА 6 КОП.

А. И. Солженицын передал в «Комсомолку» свою новую статью «Как нам обустроить Россию»

Кавендиш, 14 сентября 1990

«...право первой публикации за «Комсомольской правдой» 18 сентября и за «Литературной газетой» 19 сентября»

Александр Солженицын

Он никогда не уходил от России

Это не попытка как-то прокомментировать впервые публикуемую в нашей стране брошюру А. И. Солженицына либо предвосхитить впечатления. Это, скорее, комментарий к самим себе. И — в наибольшей мере — анонс и необходимая справка. Чтобы было понятно, как, собственно, появилась, как вообще могла появиться совершенно новая статья знаменитого писателя сразу в советской газете — без обычной предварительной апробации в самиздате?

Сначала напомним известное. Председатель Совмина РСФСР И. С. Силаев обратился к А. И. Солженицыну с открытым письмом, в котором приглашал писателя быть его гостем. 23 августа Наталья Дмитриевна Солженицына передала заявление писателя для советской прессы. Наш собственный корреспондент Е. Овчаренко тут же продиктовала это заявление по телефону в Москву. Оно было опубликовано буквально на следующий день, 24 августа.

Теперь о том, что оставалось «за кадром». 24-го многие из вас в ответе писателя прочитали и такие строки: «...как раз сейчас окончил статью: мои посильные (и сколько мне доступно извне) соображения о нынешнем состоянии страны и возможных и необходимых мерах, как я их понимаю. Вот неизвестно, «найдется ли бумага» в СССР для дешевого и массового издания этой брошюры». Понятно, что последняя фраза задела профессиональное самолюбие. Наверное, по этой причине не у одного меня могла появиться мысль очень простая: трудно представить более дешевое и массовое издание, чем издание по цене 3 коп. с тиражом 22 млн. экземпляров, то есть обычный номер «Комсомольской правды»... В тот же день, 24-го, идея была поддержана

Хочется кому-то или не хочется, согласны они или не согласны — а это большая и глубокая работа. Это не для того выстрадано, продумано и написано, чтобы проглядеть на бегу. Это для серьезнейшего чтения, для размышлений с карандашом в руках, для споров, диалогов читателя с автором — о жизни, о будущем, о способах разрешения проблем Отечества: будь то идеологические, экономические, политические проблемы или проблемы межнациональные; а диалог такой, кажется, действительно нужен—ведь многое очень по-разному воспринимается с близкого расстояния и издалека.

Такого, прямого обращения писателя ждали давно. Кто ждал политической поддержки именно своей позиции. Кто — сокрушительного манифеста. Кто — какого-нибудь призыва... Лично я увидел в этой спокойной и мудро выписанной статье отнюдь не политическую декларацию — а продуманную жизненную программу большого русского писателя и мыслителя; здесь мало призывов, но зато много богатейшей пищи для размышлений, для нашего самостоятельного уяснения судьбы страны. Судьбы — хотелось бы верить вослед автору, — которая проляжет не через насилие, а через национальное согласие, примирение.

И последнее. Читатели, наверное, заметили — в какие-то считанные месяцы в СССР развернулась своего рода «кампания сладкавых слов» под девизом: «Александр Исаевич, возвращайтесь!» Но вчитайтесь в статью. А. И. Солженицын нигде не говорит: «вы», «вам», «у вас», Он говорит: «как нам обустроить Россию». Он повторяет: «мы», «наш народ», «наша страна», «наше будущее»... Так к чему увещевать: возвращайтесь? Разве он уходил сам?

На путях к рыночной экономике

Выступление М. С. Горбачева на сессии Верховного Совета СССР

Уважаемые товарищи, вам предстоит заслушать доклад А. Г. Аганбегяна, выступления С. С. Шаталина, Л. И. Абалкина и уже в рамках пленарного заседания продолжить обсуждение проекта программы перехода к рынку.

В эти дни и в Верховном Совете СССР, и в Верховных Советах союзных республик предстоит принять, может быть, самые важные решения за годы перестройки. Зная творческий потенциал нынешнего Верховного Совета СССР, я надеюсь, что эта очень серьезная и ответственная работа будет проделана депутатами с чувством большой ответственности перед народом.

Предваряя выступления докладчиков и дискуссии на сессии, мне хотелось бы очень кратко высказаться по некоторым вопросам общего порядка и изложить свое отношение к проекту программы, которую я вам направил на прошлой неделе.

Первое, о чем я хотел сказать. Мне думается, что у нас много путаницы в том, что касается перехода к рынку и самих рыночных отношений. Довольно распространено представление, что переход к рынку — это отказ от государственного регулирования экономических процессов, будто бы все отдается во власть стихии, и прежде всего что касается розничных цен. Именно с такими представлениями как раз и связаны циркулирующие в нашем обществе страхи и опасения по отношению к рынку, что переход к нему негативно скажется на условиях жизни народа. Надо, в общем-то, во все эти вопросы уже на этой стадии внести ясность. Люди должны знать, о чем же, собственно, идет речь. Это необходимо сделать, так как нель-

(Окончание на 2-й стр.).

Фото А. АБАЗЫ.

Тридцать дней, которые потрясли...

Как группа под руководством С. Шаталина создавала свою программу

Сентябрь и октябрь — наихудшие месяцы русского года... Темно с 3 часов дня до 10 утра. Растет бандитизм и грабежи. С каждой неделей продовольствия остается все меньше. Наконец, прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку... За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под холодным дождем. Карлейль говорит в своей «Французской революции», что французы отличаются от всех прочих народов мира способностью стоять в очередях. Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного»...

(Из книги Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»).

...бессилие кабинета министров, который уже открыто называют временным...) — это лето сделало экзотические поначалу рыночные идеи достоянием масс. И уже не просто идеи.

73 года назад в Разливе вождь сделал пометки в Синей тетради. На прошлой неделе в подмосковных Сосенках я держал в руках голубую папку с еще не сброшюрованными страницами программы «Переход к рынку».

Странные дороги ведут на эти правительственные дачи: узкие, в ширину колеи одной черной «Волги», они явно не рассчитаны на интенсивное движение. Со всех сторон ...

«дачники» уложились в один месяц. Академик Аганбегян назвал это подвигом.

Е. Г. Ясин, заведующий отделом Совмина, член рабочей группы:

— Мы рассчитывали начать 1 октября. А лучше бы еще раньше. Хотя бы на две, на одну неделю.

К чему такая спешка накануне крутого социального поворота? Не лучше ли все обстоятельно взвесить, семь раз отмерить, так сказать, еще более улучшить? Неужели рынок не подождет до нового года?

Время — деньги, это знают не только экономисты. Когда ...

...программа. У нас их две. Причем, может быть, впервые об альтернативе позаботилась не оппозиция, а Президент.

Я не возьму на себя ответственности сравнивать эти документы по существу. Но даже при самом поверхностном знакомстве не могло не броситься в глаза: на правительственном проекте — строгий гриф «Не для печати. Снятие копий запрещается», на шаталинском — «Цена 2 руб.» — значит, покупай, знакомься. В альтернативной программе гласность — основа, цементирующий принцип: календарь основных дат и событий делает проект реально контро-

Демократия № ЛВ—9798

Скучно было бы жить на земле, но спасло постановление Совмина СССР № ЛВ-9798 от 13.09.90. Оно и разрешило провести в воскресенье в центре Москвы городскому объединению избирателей, «Демократической России» и МДГ манифестацию в поддержку российской программы радикальных реформ. Забавно и грустно: Совмин разрешил митинг против Совмина, открыв заповедное, по Указу Президента, Садовое кольцо.

Главное требование семидесяти тысяч человек (цифра ГУВД Мосгорисполкома) — отставка кабинета Н. Рыжкова, формирование правительства доверия, способного осуществить программу Шаталина. Флагов на митинге было около семидесяти. Лозунгов несколько десятков. Характерные: «Рынку — да!», «Землю — фермерам», «Позор блокаде Литвы», «Рыжков пятилетку красил густо, только в магазинах пусто». Были и другие: «Рынку — нет», но в условиях конкуренции они оказались малозаметными. Я бы не согласился, что «этот митинг давил на парламент». Пожалуй, это жизнь давила на людей так, что вынудила в дождь посетить площадь имени 50-летия Октября.

И поэтому мне хотелось бы со словосочетания «демократические движения» снять кавычки, которые поставлены во вчерашнем номере «одной центральной газеты», Да, демократические движения. Да, идут к рынку.

Заручившись поддержкой Совмина?

Д. МУРАТОВ.

представить более дешевое и массовое издание, чем издание по цене 3 коп. с тиражом 22 млн. экземпляров, то есть обычный номер «Комсомольской правды»... В тот же день, 24-го, идея была поддержана И. С. Силаевым, и мы позвонили в США, в Вермонт, сделав предложение опубликовать статью полностью у нас в газете. Наталья Дмитриевна попросила несколько дней для размышления. Сказала, что последнее слово, разумеется, за автором. Но, по ее мнению, идея «Комсомолки» его обрадует.

Через несколько дней А. И. Солженицын дал согласие, предоставив «Комсомольской правде» право первой публикации статьи в Советском Союзе. Нашло бумагу для дополнительного тиража — в розницу — и правительство РСФСР. Спустя некоторое время В. М. Борисов, доверенное лицо А. И. Солженицына в СССР, и Н. А. Струве, директор старейшего в Русском Зарубежье издательства «Имка-Пресс», передали брошюру в нашу редакцию. (Мы получили от писателя право опубликовать статью первыми в СССР — сразу после открытия выставки «Имка-Пресс», т. е. 18-го, «Литгазета» — после «Комсомолки», т. е. 19-го; отступать от даты было бы некорректно по отношению к автору).

Не будем лукавить: пойти на такой шаг, не зная содержания статьи, журналистам «Комсомолки» было не очень просто. Но мы вот о чем подумали: все, что намерен сказать согражданам наш соотечественник, сколь бы суровым, резким или спорным это ни оказалось, он вправе нам сказать напрямую. Со страниц легального и массового советского издания... Если это станет реальностью — в СССР есть гласность. Если нет — стало быть, и гласности нету.

Тут было, конечно, испытание для советской гласности, но, по-моему, не только для нее. Задумаемся над фактом: впервые со времен «Ивана Денисовича» новое произведение этого автора идет к советским читателям официальным, советским каналом. Оно не обкатано, не опробовано заранее. Не овеяно романтической, полуподпольной дымкой. Общественное мнение, словом, не приготовлено к нему — вот и для писателя получается испытание, и для статьи испытание — как-то ее читатель еще воспримет?..

Наверное, кому-то отдельные соображения автора покажутся несправедливыми, кому-то — даже анахроничными, оторванными от жизни. Однако — совершенно обезоруживающа авторская интонация — да, я говорю и резкие вещи, но делаю это, потому что говорю я как свой. И, конечно, — воля писателя говорить то, что он думает, воля же читателя — думать о том, что он читает. Но вот что уж точно — это не легковесная зажигательная листовка, нет. Он говорит: «вы», «вам», «у вас». Он говорит: «как нам обустроить Россию». Он повторяет: «мы», «наш народ», «наша страна», «наше будущее»... Так к чему увещевать: возвращайтесь? Разве он уходил сам? Разве он не вернется — когда сочтет нужным — и без наших увещеваний?

Это нам себе и друг другу надо говорить: возвращайтесь! И дай нам Бог еще к себе — подлинным — вернуться. А он... Он и так никогда не уходил — ни от себя, ни от России.

Александр АФАНАСЬЕВ, политический обозреватель.

Кто хотел бы откликнуться на нашу публикацию, просим направлять письма в редакцию с пометкой «Как нам обустроить Россию». Эта почта очень важна для автора.

Все письма будут переданы А. И. Солженицыну.

Итак, читайте 3-ю — 6-ю стр.

способностью стоять в очередях. Россия начала приобретать эту способность в царствование Николая «благословенного»...

(Из книги Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир»).

Социальные революции созревают в нашей стране, как картошка, — от весны до осени.

Лето 17-го, вместившее в себя стачки горняков, беспомощность Временного правительства, развал хозяйства, июльские события, многочисленные заседания и съезды, реакцию, разгул преступности, неудачи на фронте, превратило большевиков из «секты революционеров» в мощнейшую политическую силу, которая 25 октября даже не захватила — взяла власть в России.

Лето 90-го (забастовка шахтеров, прогрессирующий паралич в снабжении, шокирующая откровенность делегатов форума РКП, чрезвычайное поражение в битве за урожай, ... программы «Переход к рынку».

Странные дороги ведут на эти правительственные дачи: узкие, в ширину колеи одной черной «Волги», они явно не рассчитаны на интенсивное движение. Со всех сторон — «кирпич» — въезд запрещен. Тридцать дней поселившиеся здесь экономисты как раз и были заняты поиском выхода.

Здесь, в Сосенках, размещался «штаб восстания». Восстания здравого смысла и науки против политэкономии уравниловки. Последняя, как выясняется, имеет с наукой мало общего. Долгие десятилетия наши обществоведы занимались особого рода спиритизмом, по любому актуальному вопросу прежде всего советуясь с классиками, каждую свою букву сверяя с их духом. Но от мистики до мистификации — один шаг...

Когда заклинания уже не помогают, время требует программы. Но и программа требует времени. Сосенковские раз отмерить, так сказать, еще более улучшить? Неужели рынок не подождет до нового года?

Время — деньги, это знают не только экономисты. Когда же экономика в агонии, промедление смерти подобно. В истории страны уже были моменты, когда успех дела решали дни.

В петроградской французской газете «Entente» была напечатана статья, в которой говорилось: «Правительство Керенского рассуждает и колеблется. Правительство Ленина и Троцкого действует и нападает. Его называют правительством заговорщиков, но на деле это неверно. Нет! Эти люди — не заговорщики. Они не конспирируют. Наоборот, они действуют смело, открыто, без смягчающих слов, без маскировки намерений. Они открыто назначают день вооруженного восстания, день захвата власти... Они — заговорщики? Никогда!

Редкий случай: на фоне кромешного дефицита предложение превысило спрос. Нам нужна одна экономическая значит, покупай, знакомься. В альтернативной программе гласность — основа, цементирующий принцип: календарь основных дат и событий делает проект реально контролируемым и управляемым.

Предельно откровенна эта программа и в самом главном: без околичностей, оговорок, без премудрого «философствования» на повестку дня поставлены два вопроса — о власти и собственности. А это по всем марксистским канонам — революция.

За последние пять лет мы чересчур часто повторяли: революционная перестройка, революционное обновление... Мы хотели революции, словно бы заклинали, призывали ее. И она пришла под непривычным и слишком уж прагматичным на наш вкус названием — рынок. Но на знамени ее, как и 70 лет назад: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

С. БОБРОВСКИЙ.

...тические движения» снять кавычки, которые поставлены во вчерашнем номере «одной центральной газеты». Да, демократические движения. Да, идут к рынку.

Заручившись поддержкой Совмина?

Д. МУРАТОВ.

Середина 50-х, А. Солженицын, недавний заключенный ГУЛага, а теперь сельский учитель...

Александр Исаевич Солженицын родился в 1918 г. в Кисловодске. В том же году отец его, подпоручик военного времени (добровольно ушедший на войну из студентов Московского университета), погиб от несчастного случая на охоте. Мать, в войну кончавшая высшие агрономические курсы в Москве, после революции стала стенографисткой и поселилась с сыном в Ростове-на-Дону. Там Солженицын кончил среднюю школу, затем физмат университета (еще успев до войны пройти заочно два курса филфака МИФЛИ). С осени 1941 — в армии, осенью 1942 закончил ускоренный курс 3-го ЛАУ в Костроме. Затем назначен командиром разведывательной звукобатареи, и в этой должности прослужил непрерывно на разных фронтах, пока не был арестован на передовой в Восточной Пруссии в феврале 1945 (за высказывания против Сталина). Осужден по ОСО к 8 годам лагерей, а по окончании срока в марте 1953 сослан навечно (Казахстан, Кок-Терек Джамбулской области). Там преподавал математику, физику и астрономию. В 1956 ссылка была с него снята, возвратился в Среднюю Россию, преподавал во Владимирской области в сельской школе, а затем в Рязани — до конца 1962, когда был напечатан «Иван Денисович». После 1965 года Солженицына уже в СССР не печатали, подвергался резким нападкам властей и газет; в 1974, после появления 1-го тома «Архипелага ГУЛага», арестован, обвинен в измене родине и силой выслан за границу. С 1976 живет в штате Вермонт, США. Женат, трое сыновей.

Книги А. И. Солженицына: «Архипелаг ГУЛаг» (в 3-х томах), «Красное Колесо» — историческое повествование о российской революции (вышло в свет 8 томов, автор работает над окончанием), роман «В круге первом», повесть «Раковый корпус», литературные очерки «Бодался теленок с дубом», кроме того — рассказы, киносценарии, пьесы, публицистика.

Наши люди из Парижа

В Москве открылась выставка издательства «Имка-Пресс»

Непривычно видеть все это книжное богатство в стенах советского учреждения — Библиотеки иностранной литературы. Кстати, в том, что русские книги выставлены именно в этой библиотеке, — тоже некая метафора.

«Имка-Пресс» справляет семидесятилетие. Оно основано в 1920 году замечательным русским религиозным философом Николаем Бердяевым. Бердяев создал издательство как культурный центр русской эмиграции, даже как «храмовое действо», тут Никита Алексеевич вспомнил выражение другого столпа русской религиозно-философской мысли — отца Павла Флоренского, чьи труды представлены на выставке вместе с трудами С. Булгакова, Л. Шестова.

Поэтому издательству чужд дух коммерции — это не предприятие для делания денег, а скорее миссия нашей культуры в Париже.

Сегодня «Имка-Пресс» печатает и А. Солженицына, и В. Ерофеева, представляет русское эмигрантское творчество и творчество тех, кто живет в России. И хотя Н. Струве и его единомышленников советская пропаганда пыталась «записать» то в НТС, то в ЦРУ, они полны желания сохранить ничем не запятнанное имя издательства.

А. АМЛИНСКИЙ.

ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА В ПАРЛАМЕНТЕ

«Пятый туз» из колоды

Еще совсем немного, и часы начнут отсчитывать пятисотдневный марафон, в который пустится Российская Федерация по пути к рынку. Старт намечен на 1 октября. И, судя по настроению главы российского парламента Б. Ельцина, дата эта окончательная и обжалованию не подлежит. Из этого следует лишь один вывод: поезд уходит, и тот, кто не успел, тот опоздал, тому уготована лишь одна судьба — сидеть на платформе социализма «общего котла», перебирая идеологическую рухлядь нестираных десятилетиями лозунгов. А кто, собственно, рискует опоздать?

Вчера на сессии Верховного Совета СССР, после недели, потерянной на «выяснение отношений» между авторами альтернативных программ перехода к рынку, развернулись наконец дебаты. Президент СССР, не вдаваясь в детальный анализ программ, предложенных Верховному Совету СССР, на протяжении получаса убеждал и депутатов, и избирателей в верности социалистическому выбору и идеалам Октября.

Вообще в последнее время дискуссия о терминах не ослабевает. Думаю, этот идеологический спор разрешится только экономически. Судите сами: если рынок, частная собственность и приватизация — осуществление лозунга «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам», то не означает ли это, что социализм построен во всех развитых странах, которые мы по привычке продолжаем называть «капиталистическими».

Впрочем, сейчас не до терминов.

О деле — то есть о конкретных программах перехода к рынку — вчера начали разговор А. Аганбегян, С. Шаталин и Л. Абалкин. То была академическая битва. Академики сыпали аргументами, расчетами, прогнозами, призывали депутатов к ответственности и к демонстрации политической воли. Я не буду повторять всех изгибов дискуссии, тем более что многие из вас могли следить за ней по телевидению, а остановлюсь лишь на одном прозвучавшем вчера аргументе.

Радикальная реформа экономики невозможна, убеждал вчера депутатов зампред Совмина СССР Л. Абалкин, настаивая на правительственной программе, на так называемом «умеренно-радикальном пути». Каждый аргумент своих оппонентов Л. Абалкин крыл контраргументом, а когда их арсенал был исчерпан, он, словно пятого туза из колоды, извлек самый «непробиваемый довод». Суть сказанного им можно свести к простому пассажу. А что вы, уважаемые депутаты, собираетесь обсуждать? Какие радикальные меры? Какая программа Шаталина? Есть решение II Съезда народных депутатов СССР, одобрившего правительственную программу, и никаких других программ не может быть в принципе. Съезд — решил, а ваше, Верховного Совета, дело — подчиниться. Так что знайте свое место!

Самое печальное: Абалкин прав. В свое время парламентская оппозиция, пресса и избиратели убеждали народных депутатов СССР: примите правительственную программу к сведению, но не одобряйте, иначе Верховный Совет СССР становится заложником у Совмина СССР. Одобрили. И вышло — как по писаному. Правительство теперь ведет диалог с законодательным органом с позиции силы, данной ему Съездом. И настаивает: Съезд одобрил иные темпы реформы, иные меры, иные сроки, чем те, что изложены в программе группы Шаталина.

Абалкин, еще раз повторяю, формально прав: если мы претендуем на признание нашей страны как правового государства, то надо соблюдать правила игры. Съезд одобрил правительственную программу — и только Съезд ее может отменить. Это — по протоколу. А по сути? «Ситуацию надо понимать так, что со стороны правительства идет затягивание проведения реформы», — сказал помощник Президента Н. Петраков в ответ на мою просьбу прокомментировать вполне законное требование Л. Абалкина.

Итак, еще один внеочередной Съезд? Чтобы покрыть «пятый туз» из правительственной колоды «шестым тузом» решения Съезда, осталось без малого две недели. Две, потому что 1 октября Российская Федерация грозит включить на 500 дней часы перехода к рынку. Другие рискуют опоздать...

С. КИСЕЛЕВ.

Выступление М. С. Горбачева

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

зя рассчитывать на успех дела, если у значительной части населения страны создастся представление, что переход к рынку — это чья-то дьявольская затея, ничего общего не имеющая с интересами трудящихся.

Следует сразу сказать, мы, конечно, не смотрим на рынок как на панацею. Вопрос о переходе к нему возник в русле осуществляемых преобразований. Он продиктован самой жизнью и логикой происшедших перемен. В самом деле, мы давно уже поняли, что из кризисной ситуации, в которой оказалась страна, наша экономика, можно выйти лишь на путях радикальной экономической реформы. В качестве центральной задачи реформы мы в свое время выдвинули преодоление всех негативных последствий, связанных со всеобщим господством государственной собственности и ее монопольным положением.

Мы подошли к пониманию необходимости преобразования отношений собственности еще тогда. И выход через это на новые формы экономической жизни, на новое положение человека — производителя в экономике в обществе. Иначе говоря, мы должны пойти по пути разгосударствления и выхода на смешанную экономику, в которой как равноправные субъекты будут действовать государственные и акционерные предприятия, кооперативы и предприятия, работающие на арендных началах. Также в определенных масштабах и частные предприятия. С выходом на многообразие форм собственности мы связываем решение коренного вопроса социалистической революции: преодоления отчуждения человека от средств производства, от собственности, тем самым социализм соединяем с частными интересами людей. Мы, собственно, возвращаемся к лозунгу «Фабрики и заводы — рабочим, земля — крестьянам».

Именно через это мы хотим как раз и дать мощные стимулы инициативе людей, их трудовой деятельности, предпринимательству, открыть широко возможности для использования достижений науки и техники и выйти на новую динамику экономического развития страны. Но экономическая свобода, хозяйственная самостоятельность производственных коллективов, отдельных людей предполагает многообразие их взаимоотношений друг с другом с использованием определенных правил и механизмов обмена и распределения. Все это можно обеспечить в рамках

литические, и идеологические, и психологические, и национальные. И то хорошее, что было сделано поколениями советских людей, и те деформации, ошибки в выборе путей преобразования, которые были допущены после Октябрьской революции. Другой подход просто авантюристичен и бесперспективен.

Выстраивая наши планы на будущее, мы должны это делать не только в контексте собственного развития, — хочу это подчеркнуть, — но и всей мировой цивилизации, с учетом как ее достижений, так и глобальных проблем, которые перед ней встали. Но не надо здесь впадать в эйфорию: вот там, на Западе, вот там, в развитых странах, вот там, в Австралии, все ну просто прекрасно, как утверждает товарищ Бочаров.

Главное — нельзя допустить того, чтобы, отказываясь от административно-командной системы, насильственно навязанной обществу в свое время, мы бы вновь встали на путь субъективизма, механического использования кабинетных схем и механического перенесения чужого опыта на нашу почву. Нельзя насильно загонять людей в новые формы экономической жизни, в акционерные предприятия, в кооперативы, в аренду или частную собственность, не считаясь с реальностями общества, объективным ходом экономических процессов, коренными интересами людей, их настроением, психологией. Мы должны иметь такую политику и такие законы, реализация которых позволяла бы свободно решать, делать выбор в том, что касается и форм собственности, и методов хозяйствования, исходя из нашей приверженности социалистической идее, к свободе, демократии, социальной справедливости.

В связи с этим — о соотношении преобразований, которые мы осуществляем и намерены осуществлять дальше, с социалистической идеей, с социалистическим выбором. Вот давайте примем: разве уровень жизни, который мы сейчас имеем, соответствует идеалам социализма? А отчуждение работника от средств производства, от участия в управлении хозяйством, это что — черты социализма? А степень социальной защищенности, а мотивация трудовых усилий, мера заинтересованности человека в результатах собственного труда? Разве во всем этом мы дотягиваем до социализма? Такова реальная точка отсчета.

обогатить это понятие и дать ему подлинно социалистическое содержание. До сих пор приходится сталкиваться с упрощенческой, я бы сказал, иждивенческой трактовкой принципа социальной защиты. Она звучит сейчас в дискуссиях и не только у людей не очень просвещенных в экономике, но в аудиториях достаточно солидных, обремененных большими знаниями. Зачастую все сводится к установлению системы уравнительных материальных гарантий: минимальной заработной платы, пособий по нетрудоспособности, пенсий, квадратных метров жилья, бесплатной медицинской помощи и тому подобное. Все эти гарантии, конечно же, необходимы, и они должны предоставляться всем гражданам, независимо от их трудового вклада в рост общественного благосостояния. Это то, что мы должны, безусловно, обеспечить каждому гражданину в соответствии с Конституцией.

Но общество должно гарантированно обеспечить каждому человеку право на свободный труд, на высокий заработок при высоких результатах, на инициативу. Эффективный труд должен всемерно поощряться самой системой складывающихся экономических отношений. Вот для чего нам нужен рынок. Защитив права высокопроизводительных работников, передовых предприятий, изобретателей, инициативных хозяйственников, мы сможем постоянно поднимать и потолок минимальных социальных гарантий для инвалидов и сирот, стариков и многодетных матерей, для всех малоимущих. Вот она, живая связь, диалектика вопроса.

Мне думается, что общество, к которому мы идем, где на первый план выдвигается политическая, экономическая свобода человека, трудовых коллективов, где будут торжествовать демократия, законность, инициатива и ответственность, где государственная политика будет направлена на реализацию коренных интересов трудящихся, духовное развитие человека, обеспечение социальной справедливости, — это общество и станет реальным воплощением социалистической идеи.

В связи с тем, что в дискуссиях о переходе к рынку особо остро обсуждается вопрос о частной собственности, нам следует и в этот вопрос внести ясность, рассматривая его без предвзятости и предубеждений, в контексте наших реальностей. Это надо сделать, поскольку здесь, в

рендум. Такова моя точка зрения, я ее уже высказывал, хочу повторить и сейчас; когда мы обсуждаем вопросы, связанные с переходом к рынку. По-моему, иначе нельзя. Думаю, Верховный Совет должен обдумать и занять здесь позицию.

И еще. Надо открыто и прямо говорить: то, что предстоит нам сделать на путях перехода к рынку, на новые формы экономической жизни; дело исключительно масштабное, сложное, и легких решений здесь не предвидится. Поэтому не следует пугать рынком, культивировать страхи, но нельзя и упрощать. Не можем мы без крайностей. Одним кажется, что все это легко и сразу пойдет. Нет, это будет самый глубочайший переворот, который мы должны пережить в нашей отечественной истории.

Предстоит многое обдумать, решить и сделать все для того, чтобы начать переход к рынку. Думаю, большинство в стране хорошо понимают важность этой задачи, более того, мы просто не можем дальше откладывать ее осуществление.

Теперь я хотел бы высказать свое отношение к проекту, который подготовлен на заключительной стадии коллективом ученых, специалистов под руководством академика Аганбегяна. Как я уже говорил, этой группе были даны поручения попытаться интегрировать, сблизить позиции и выйти на одну программу.

Что можно сказать? Считаю, что до конца с этой задачей не удалось справиться. Хотя документ, который я направил вам, и является результатом совместных усилий, тем не менее, как вы видите, окончательный его вариант подписали Аганбегян и Шаталин, а академик Абалкин высказал ряд критических замечаний и счел нужным направить в качестве приложения к этому докладу.

Каково мое отношение к проекту? Я думаю, что проект еще далек от того, чтобы можно было признать его совершенным и безупречным. В нем есть и спорные предложения. Тем не менее этот проект программы может быть основой для обсуждения в Верховном Совете СССР и в Верховных Советах республик. Исходя из такой оценки, я считал возможным поддержать и направить его вам на обсуждение.

Не имея намерения излагать содержание программы — это задача докладчиков, хотел бы остановиться лишь на общей философии предлагаемого подхода и по-

сная ситуация диктует необходимость принятия таких мер. Нужно понять, что такие меры нам жизненно необходимы, и мы вправе здесь рассчитывать на поддержку в обществе. Если справимся с этой задачей, то сможем обеспечить менее болезненное вхождение в рынок, и, наоборот, без реализации стабилизационных мер ни о каком рынке не может быть речи, и мы окажемся в тяжелейшей ситуации, состоянии хаоса, из которого выход будет долгим, болезненным и трудным.

Далее. Важной особенностью этого проекта считаю то, что в нем интегрированы предложения союзных республик, отражено их видение будущего общесоюзного рынка. Это весьма важно, поскольку нам предстоит реализовывать программу в условиях многонационального государства, причем, на этапе его глубоких преобразований.

Возвращаясь к главному замыслу и высказав свои соображения относительно двух самых важных особенностей, хочу подчеркнуть, что главная цель состоит в том, чтобы через систему стабилизационных мер сделать рубль полновесным, надежным средством платежа. Это позволит прекратить бегство от рубля, сделать выгодным сбережение денег, помещение их в акции, ценные бумаги, на банковские счета.

Когда нам удастся обуздать денежную эмиссию, стабилизировать общую денежную массу, частично переориентировать денежный спрос населения, тогда можно будет государству постепенно ослаблять контроль за ценами. Именно постепенно, по группам товаров не первой необходимости и именно после проведения энергичных мер по стабилизации денежного обращения. На этот момент обращаю особое внимание, поскольку в ходе обсуждений кое-кто то ли по рассеянности, то ли не прочитав программу внимательно, забывает о строго обозначенной этапности, последовательности проводимых мероприятий.

Здесь как раз вся соль состоит в том, как выстроены мероприятия во времени: стоит поменять их местами или начать отпускать цены, не получив еще должного эффекта от оздоровления денежного обращения, — гиперинфляция станет фактом неминуемым, и трудно предсказать ее масштабы. Поэтому предлагается жестко контролировать этот процесс, буквально шаг за шагом, день за днем. При этом — максимум сосредоточенности, быстрота реагирования на любую неожиданную ситуацию

вольно основательно продвинулись в понимании коренного вопроса, каким является для нас, для всего нашего общества вопрос о судьбе нашего многонационального государства.

Далее, в проекте программы высказываются предложения о подходах к дальнейшему совершенствованию системы власти и управления применительно к условиям функционирования рыночной экономики. Это также заслуживает внимания Верховного Совета СССР, тем более что по этим вопросам сейчас налицо различные точки зрения. Во всяком случае, есть немало тех, кто предлагает уже сейчас безотлагательно заняться кардинальной перестройкой, а может быть, даже перетряской всей системы власти и управления на всех уровнях, в первую очередь в верхнем эшелоне.

Звучит в последние дни: «Долой правительство», «Распустить Верховный Совет», «Распустить Съезд народных депутатов», «Долой Президента» и так далее. Мне уже приходилось перед вами на эту тему говорить, но считаю важным и сейчас сказать: такая постановка вопроса совершенно не приемлема, хотя мы ее и слышим с различных трибун и особенно площадей. Она нас, если бы мы ей последовали, втянула бы в тяжелые политические баталии, усилила противостояние общества. И это в тот момент, когда нам, как никогда, нужна консолидация с целью реализации программы перехода к рынку, разработки и проведения в жизнь нового общесоюзного договора. Вот вопросы, решением которых надо сейчас заниматься. В то же время, должен повторить, — нам не обойтись без того, чтобы там, где это необходимо, внести изменения, коррективы в систему организации, функционирования власти и управления. Это будет органично связано с потребностями рыночной экономики многонационального государства, а не носить какой-то самодовлеющий характер.

Думается, что все мы должны учитывать всю сложность нынешней ситуации в обществе. Она такова, что в ней заложены и огромные потенциальные возможности, и очень большие опасности. Поэтому нужно действовать сейчас так, чтобы использовать все шансы для перелома ситуации к лучшему и не допустить дальнейшего развертывания негативных процессов. В общем, нам нужны активная политика, активная работа. И если говорить конкретно о сегодняш-

---

РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА

Летели мы с воздушными пиратами...

В тот день, 30 июня, во Львове стояла жара за тридцать. В ремонтируемом здании аэровокзала и вокруг маялся народ, кто в футболке, кто как. Прохладительных напитков, как и принято в таких случаях, не хватало. Удивляла тишина: ни взлетов, ни посадок. И все же регистрацию на наш рейс 8678, хоть и с опозданием, объявили. По расписанию прибытие в Ленинград предполагалось где-то после двадцати трех, с грехом успевали в метро и на ночлег к друзьям на Петроградскую. Однако вместо 21 часа вылетели в 22.30. Ночлег у друзей в Ленинграде из проблематичного превратился в крайне маловероятный.

Так оно и вышло. В самолете — два салона. Наши места были в первом. Включилась вентиляция, стало легче дышать.

Я стал подремывать. Но тут щелкнуло, и женский голос произнес спокойно:

— Если на борту есть кто-нибудь, говорящий по-английски, просим подойти в помещение стюардесс.

Я отправился в тамбур.

— Вам надо пройти со мной в пилотскую кабину.

Стюардесса постучала, и мы вошли.

Командир повернул голову.

— Вы уже знаете, что мы захвачены? Угонщик требует посадки в Стокгольме. Никто в экипаже английским не владеет. Сумеете обеспечить связь со шведскими службами?

Если связь будет обеспечена, мы летим в Стокгольм. Если связь не обеспечена, «земля» не дает добро на полет за пределы страны, и...

Я понял, что следовало за этим «и»...

Меня усадили на место бортрадиста, тут же, за спиной командира. Дали наушники, показали, как пользоваться микрофоном. Задача: отвечать на позывной «Аэрофлот эйт сих севен эйт!», переводить все, что будет адресовано нам, передавать по-английски все, что командир будет предназначать земле.

На листке ксерокопии штурманской карты я стал судорожно записывать, выуживая из памяти английские слова, всё, что было бы похоже на авиационную терминологию: высота, курс, эшелон, снижение, полоса... Как же по-английски полоса? Пилоты тоже не знали. А ведь это самое главное слово:

На полотне аэродрома, чуть поодаль, рослые фигуры с автоматами. По радио: связь с вами прекращаем, на связь выйдет полиция. Затем включается русский голос, представитель Аэрофлота.

— У вас есть допуск к полетам за границу?

— Нет.

— А как же вы?..

— На борту есть мужик, в совершенстве владеет английским.

Большего комплимента в жизни не получал. Вот бы справочку такую, с гербовой печатью...

Меня отпустили — условно — к дочке.

Я сразу понял, что спокойствие было в пилотской кабине, но не в салонах. Окружили, стали расспрашивать. Всё, что знал, рассказал. На моем месте рядом с Наташей оказалась женщина из второго салона, ее трясло крупной дрожью: до этого она сидела рядом с угонщиком... Наталия держалась молодцом, хотя доброхот-сосед успел нашептать ей в мое отсутствие, что летим не туда, близу море, а ее папу взяли в кабину заложником... Правда, один мужчина в нашем салоне проснулся уже после посадки, засобирался и разговоры о Стокгольме принял за розыгрыш. Только серьезные фигуры с автоматами за иллюминатором убедили его, что это не Пулково.

Следующий час шли какие-то переговоры с угонщиком, со шведами. Стюардессы увещевали по-доброму и сердито — занять места, соблюдать порядок.

Мы с Наташей выходили в группе из семи человек, последними. В самолете оставался только экипаж.

Забегая вперед, скажу: все, что мы успели увидеть за часы пребывания на земле Швеции, отличалось чистотой, прибранностью, порядком. Нас сопроводили в очень просторное помещение ресторанного вида. Там уже находились все, кого привезли раньше. Передвигались, сидели и спали, приткнувшись кто куда, странные фигуры в оранжевых тогах, вроде буддистских монахов. Все это были наши спутники. Утро прохладное. Тем, кто был легко одет, предложили такое утепление: большая стопка этих ворсистых покрывал была приготовлена у входа.

В этом зале мы провели несколько часов, у дверей расположился человек с ав-

многообразие их взаимоотношений друг с другом с использованием определенных правил и механизмов обмена и распределения. Все это можно обеспечить в рамках рынка. Значит, нужен переход к рыночным отношениям, к созданию современного полнокровного рынка. Итак, рынок появляется сейчас, когда мы в рамках радикальной экономической реформы пошли по пути разгосударствления, вышли на реформирование отношений собственности, на новые формы жизни. Я обращаюсь к депутатам с просьбой уделить должное внимание проработке этой стороны дела, так как в этом вопросе, как я уже говорил, немало путаницы и ненужных страхов.

Еще одно соображение. В рамках радикальной экономической реформы мы делаем громадный поворот развития нашего общества. Но, осуществляя этот поворот, надо постоянно иметь в виду, в каком обществе мы осуществляем эти фундаментальные преобразования. Иначе можно допустить серьезные просчеты в политике и практике. Нужно всегда помнить, знать, видеть и все время учитывать контекст, в котором действуем, а действуем мы с вами, мало сказать, в большой стране, многонациональном государстве, действуем в очень сложном обществе, перегруженном и проблемами, и комплексами, и стереотипами. Короче говоря, нам надо очень ясно видеть все реальности, с которыми имеем дело: и экономические, и по-

зультатах собственного труда? Разве во всем этом мы дотягиваем до социализма? Такова реальная точка отсчета.

Теперь второе. Рынок демократизирует экономические отношения, а социализм немыслим без демократии. Реформируя отношения собственности, мы создаем реальную и здоровую основу для подлинного коллективизма. Не огосударствление всего и вся, а создание свободных ассоциаций производителей, акционерных обществ, производственной и потребительской кооперации, объединений арендаторов и предпринимателей — вот столбовая дорога подлинного обобществления производства на принципах добровольности и экономической целесообразности. Именно здесь заложены корни действительной социализации нашей экономики.

Третье. Только сбалансированный рынок может обеспечить реализацию основного принципа социализма: распределение по труду. Денежный заработок при пустых полках обесценивается. Люди не могут найти необходимых им товаров, реализовать свой доход, и, как следствие этого — потеря интереса к интенсивному, высокопроизводительному труду, появление социальных групп, паразитирующих на дефиците, на отсутствии нормальных рыночных отношений.

Наконец, четвертое — социальная защищенность. Переход к рыночным отношениям позволяет качественно

сти, нам следует и в этот вопрос внести ясность, рассматривая его без предвзятости и предубеждений, в контексте наших реальностей. Это надо сделать, поскольку здесь, в Верховном Совете, проект программы, разработанной группой академика Шаталина, назван как программа, ведущая к капитализму. Хотя достаточно в этой программе, в ее первом томе на странице 63-й посмотреть диаграмму вероятной динамики процессов разгосударствления промышленности в ближайшие 7—12 лет, и станет ясным, что такие обвинения просто несостоятельны, но они произносятся здесь уже в Верховном Совете, как говорят, на виду всего народа. Скорее всего речь идет о смешанной экономике, о чем я уже говорил. Причем о такой смешанной экономике, в которой частная собственность играет существенную роль лишь в некоторых сферах, но весьма ограниченную роль в обществе в целом.

В последнее время бурные дискуссии идут по вопросу частной собственности на землю. Это один из принципиальных вопросов. Как мне представляется, он должен решаться народом и решаться через референдум. Слишком это серьезная проблема, товарищи, чтобы ее решили в кабинетах, аудиториях или в залах заседаний, даже таком ответственном, в котором мы сегодня работаем. Быть частной собственности на землю или не быть — решать этот вопрос суверенное право народа. Его можно решить только через рефе-

Не имея намерения излагать содержание программы — это задача докладчиков, хотел бы остановиться лишь на общей философии предлагаемого подхода и, поскольку считаю это очень существенным, отличии этого варианта программы.

Главное в варианте, который предлагается Верховному Совету,— вхождение в рынок через период стабилизации. То есть через период, в течение которого должны быть приняты жесткие меры по денежно-финансовому оздоровлению и восстановлению распадающихся связей. В общем, полагаю, что составители исходили из реальностей. За последние месяцы наметились явный распад потребительского рынка, рост бюджетного дефицита и государственного долга, дезорганизация денежного обращения, разгул спекуляции и теневой экономики.

Все это происходит одновременно с падением договорной дисциплины, разрывом хозяйственных связей, полной остановкой ряда жизненно важных производств, включая производство медикаментов. Различные варианты развития событий, даже самые неблагоприятные, надо предвидеть в ходе реализации программы мер стабилизации, иметь сценарий быстрого реагирования. Словом, нам придется пойти на крутые меры, уже начиная с ближайших дней.

Кстати, может быть, по отдельным вопросам не стоит ждать одобрения программы, поскольку сама экономиче-

предлагается жестко контролировать этот процесс, буквально шаг за шагом, день за днем. При этом — максимум сосредоточенности, быстрота реагирования на любую неожиданную ситуацию.

Возвращаюсь ко второй особенности, которую уже называл, а именно тому обстоятельству, что в этой программе многое учтено из предложений, высказанных представителями республик. Они все время работали, участвовали в подготовке идей, и я должен сказать, что уже сам этот процесс сослужил хорошую службу для подготовки общесоюзного договора.

Если на начальном этапе довольно четко проявлялись центробежные тенденции, прямо надо сказать, изоляционистские настроения и даже сепаратизм, то чем дальше продвигалась и углублялась работа над проектом программы перехода к рынку, тем больше возникало согласия относительно того, каким должен быть не только рынок, но и сам наш союз суверенных государств. Во всяком случае, работа над экономическими аспектами будущего Союзного договора показала, что в интересах всех народов необходим выход на новый уровень взаимоотношений, сотрудничества при одновременном понимании исключительной важности сохранения Союза как многонационального государства, основанного на принципах добровольности, равенства и сотрудничества суверенных государств.

Таким образом, мы до-

допустить дальнейшего развертывания негативных процессов. В общем, нам нужны активная политика, активная работа. И если говорить конкретно о сегодняшнем этапе, то такая политика должна быть направлена на реализацию неотложных мер по стабилизации всей ситуации в обществе. Я имею здесь в виду и стабилизацию экономики, и политическую стабилизацию, и правовую. Мы подошли вплотную к фазе фундаментальных перемен, которые приведут к коренному обновлению нашего общества. Все слои общества, все политические течения должны подчинить этому свою деятельность. Нам надо решительно выступить против тех, кто подстрекает людей к использованию острых форм: забастовкам, безответственным выступлениям. Когда мы стоим на пороге больших, глубоких перемен, от которых ождаем улучшения ситуации в стране, непозволительно втягиваться в политические бои и обстреливать друг друга из оружия разных калибров, не считаясь с тем, какие заряды летят друг в друга. Уверен: все силы, все политические течения должны сейчас подчиниться, повторяю, главному — интересам народа, решению задач, от которых народ должен получить, наконец, реальную отдачу. А тот, кто будет сдерживать или мешать непродуманными шагами реализации этой задачи, тот возьмет на себя тяжелую ответственность и перед народом, и перед историей.

похоже на авиационную терминологию: высота, курс, эшелон, снижение, полоса... Как же по-английски полоса? Пилоты тоже не знали. А ведь это самое главное слово: как тут садиться незнамо куда? Командир произнес меланхолично, адресуясь ко второму пилоту:

— Говорил я тебе, Юра, учи английский...

Вела нас, кажется, Рига. У Вентспилса предполагался поворот на Стокгольм. Шли запросы о положении на борту, остатке горючего, о поведении угонщика, где сидит, чем вооружен, есть ли сообщники...

Второй пилот, разоружившись, периодически отправлялся в хвостовой салон, вел переговоры с угонщиком. «Юра, скажи, чтоб не дурил, летим в Стокгольм»,— напутствовал его командир. Угонщик нервничал, угрожал ручной гранатой, которую держал за полой куртки. Утверждал, что сзади, в следующем ряду, сидят три сообщника...

Русский голос с земли сообщил; выходите из нашей зоны, на подлете к их территории вас встретят два истребителя шведских ВВС.

Некоторое время в эфире была тишина. Затем в наушниках четко прозвучало: Аэрофлот — Эйт-сикс-севен-эйт!

— Отвечайте. Всё переводите, — приказал командир. И я старался все перевести. По-английски дублировал услышанное, чтобы исключить возможность ошибки. Доложил с разрешения командира, что не являюсь членом экипажа и не владею профессиональной терминологией, попросил говорить ясно, четко. Невидимый опекун ответил ободряющим «о кей!».

Наш позывной, и очередная информация:

— Вас примет аэропорт Арланда. Рануэй 01 из клиа фор ю. — Рануэй — полоса! Полоса 01 свободна для нас. Рануэй! Теперь буду знать. На всю оставшуюся жизнь.

Наконец, спокойный доклад штурмана: «Вижу полосу».

Теперь, ретроспективно, мне представляется, что именно этот момент был кульминационным в нашей эпопее: раз уж увидели, так уж сядем. Хотя мысли, что не сядем, не было. Впрочем, выглядела полоса — там впереди и далеко внизу неубедительно — очень уж коротенькая, сантиметров пять... Но когда по радио сообщили данные о ней — ширину, длину, командир и штурман удовлетворенно хмыкнули.

Мы сели, сразу — торможение. Нет привычного постукивания колес на стыках плит полосы, какая-то не такая полоса. Рануэй, в общем. Команда — следовать за желтой автомашиной. Забираемся куда-то в дальний угол аэропорта, к лесу. Лес — как наш. Только в нем — много машин с синими мигалками.

утепление: большая стопка этих ворсистых покрывал была приготовлена у входа.

В этом зале мы провели несколько часов, у дверей расположился человек с автоматом, желание выйти подышать как-то не появлялось.

Нас вкусно кормили две сияющие элегантностью и белозубыми улыбками дамы. Правда, бананы и прочее не достались тем, кто прибыл последним: шведский стол на российский натиск рассчитан не был. Поэтому на лицах дам угадывалась едва заметная озадаченность. В любом случае, апельсиновый сок, кофе, вкуснейший высококалорийный сендвич достались всем. А потом, в самолете, еще и красиво упакованный завтрак, который все дружно запрятали в свои сумки в качестве сувенира. Там была даже консервная баночка со «Свежей родниковой водой одного из наиболее удаленных районов Норвегии».

И к вопросу о страхе. Было д е л о. Его н у ж н о б ы л о выполнить. А если точнее, е г о н е л ь з я было н е выполнить. Получается, когда занят вот таким нужным делом, уже не до эмоций. Получается; если мы все будем заняты д е л о м... Как, например, шведы... У них социализм вроде бы уже построен... Хотя, говорят, не такой, как надо. Такой как надо — это у нас. Только он не получился. Вернее, он получился. Но — для узкого круга.

Самолет за это время прикатили прямо к нашему ресторану. Я опять был в кабине. Пришел представитель Аэрофлота, пожал руку, поблагодарил и предложил записать все термины, необходимые при взлете.

Моя работа заканчивалась. Командир спросил, кто я и откуда. Я предъявил свое удостоверение участника Отечественной войны. Редкий случай, когда делать это было приятно. Не то, что в проклятущей очереди за билетами или туалетной бумагой (впрочем, о рулончиках — для красного словца: так низко я еще не пал).

Командир взял мой листок штурманской карты и на чистой его четвертинке написал следующее:

«Ту-154 № 85334, рейс 8678 Львов-2 — Ленинград.
КВС Бухаров Алекс. Ник.
2П Резцов Юр. Влад.
Шт. Головкин Сер. Викт.
Б/и Смирнов Ив. Ал.
Благодарим за помощь в экстремальных условиях».

И все в кабине расписались под этим текстом.

Не стану лицемерить: приятно иметь такой документ в своем домашнем архиве.

Командир, удобнее расположившись в кресле, с удовольствием произнес:

— Говорил я тебе, Юра, учи английский...

Р. КРАВЧЕНКО-БЕРЕЖНОЙ.

Апатиты.

Готовы сотрудничать

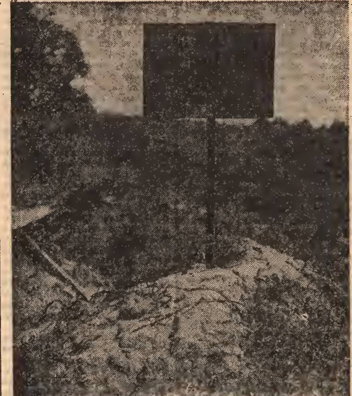
В средствах массовой информации появляются сообщения о том, что группе академика Шаталина, занимающейся разработкой программы «500 дней», целый ряд министерств и ведомств отказались предоставить необходимую информацию. В их числе называется и Управление делами ЦК ВЛКСМ.

Центральный Комитет комсомола в последнее время неоднократно высказывался за радикализацию экономических реформ, переход к рынку.

Поэтому игнорировать запросы рабочей группы, облеченной полномочиями Президента СССР и Председателя Верховного Совета РСФСР, со стороны любого ведомства и организации считаем недопустимым.

Если такая информация необходима при доработке программы, ЦК ВЛКСМ готов ответить на самые различные запросы, которые до сих пор к нам не поступали.

Пресс-группа ЦК ВЛКСМ.

Эхо Чернобыля

Брянская область долго оставалась как бы в стороне от Чернобыля. Хотя радиоактивное облако «задело» и ее, больше других пострадал Красногорский район.

Сразу после аварии из села Барсуки выселили все местное население. В соседнем же Буковце началось усиленное строительство новых коттеджей, детского сада. Местных пытались удержать, выделили колоссальные деньги. Но все пришлось оставить: «грязно» здесь жить.

Фото К. КАПУНОВА.

тревожные голоса в Израиле: «Ивритская культурная революция была совершена не для того, чтобы наша страна капитулировала перед американским культурным империализмом и его побочными продуктами», «западным интеллектуальным мусором».)

Уже все известно, писалось не раз: что гибнут книжные богатства наших библиотек, полупустуют читальни, в забросе музеи. О н и-то все нуждаются в государственной помощи, они не могут жить за счет кассовых сборов, как театры, кино и художественные выставки. (А вот спорт, да в расчете на всемирную славу, никак не должен финансироваться государством, но — сколько сами соберут; а рядовое гимнастико-атлетическое развитие дается в школе.)

ВСЕ ЛИ ДЕЛО В ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОЕ

Приходится признать: весь XX век жестоко проигран нашей страной; достижения, о которых трубили, все — мнимые. Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище.

Сегодня у нас горячо обсуждается: какое государственное устройство нам отныне подходит, а какое нет,— в этим, мол, все и решится. И еще: какая б новая хлесткая партия или «фронт» нас бы теперь повели к успехам.

Но сегодня возрять — это не просто найти удобнейшую форму государственного строя в скороспешно сочинить к нему замечательную конституцию, параграф 1-й, параграф 45-й. Надо оказаться предусмотрительней наших незадачливых дедов-отцов Семнадцатого года, не повторить хаос исторического Февраля, не оказаться снова игрушкой заманных лозунгов и захлебчивых ораторов, не отдаться еще раз добровольно на посрамление.

Решительная смена властей требует ответственности и обдуманья. Не всякая новозатейщина обязательно ведет прямо к добру. Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы — через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем неготовы к ней и все загубили. Ни из чего не следует, что новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы. Вот, победительный критик гнусной *Системы* (как он назвал ее из обходливой осторожности), едва избравшись к практическому делу, тут же и проявил нечуаствие по отношению к родине, питающей столицу. Москва уже 60 лет кормится за счет голодной страны, с начала 30-х годов она молчаливо пошла на подкуп от властей, разделить преимущества, и оттого стала как бы льготным островом, с другими материальными и культурными условиями, нежели остальная коренная Россия. Оттого переменилась и психология московской имеющей голос публики, она десятилетиями не выражала истинных болей страны.

Вот, в кипении митингов и нарождающихся партиек мы не замечаем, как натянули на себя балаганные одежды Февраля — тех злоключных восьми месяцев Семнадцатого года. А иные как раз заметили и с везрячим упоением восклицают: «Новая Февральская революция!» (Для точности совпадения высунулись уже и черные знамена анархистов.)

После людожорской полосы в три четверти века, если мы уже так дорого заплатили, если уж так сложилось, что мы оказались на том краю государственного спектра, где столь сильна центральная власть,— не следует нам спешить опрометчиво сдвигаться в хаос: анархия — это *первая* гибель, как нас научил 1917 год.

Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть плавно-преемственным и устойчивым. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам еще на немалые годы окажется полезным. При нынешнем скоплении наших бед, еще так осложненном и неизбежным разделением с окраинными республиками,— невозможно нам сразу браться решать вместе с землей, питанием, жильем, собственностью, финансами, армией — еще и государственное устройство тут же. Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока принять просто потому, что оно уже существует.

Конечно, постепенно мы будем пересоставлять государственный организм. Это надо начинать не все сразу, а с какого-то краю. И ясно, что: с н и з у, с м е с т. При сильной центральной власти терпеливо и настойчиво расширять права *местной* жизни.

Конечно, какая-то определенная политическая форма постепенно будет нами принята,— по нашей полной политической неопытности скорей всего не сразу удачная, не сразу наиболее приспособленная к потребностям именно нашей страны. Надо искать *свой* путь. Сейчас у нас самовнушение, что нам никакого собственного пути искать не надо, ни над чем задумываться,— а только поскорей перенять, «как делается на Западе».

Но на Западе делается — еще ой как по-разному! У каждой страны своя традиция. Только нам одним — не нужно ни оглядываться, ни прислушиваться, что говорили у нас умные люди еще до нашего рождения.

А скажем и так: государственное устройство — второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявится при любом строе.

Политическая жизнь — совсем не главный вид жизни человека, политика — совсем не желанное занятие для большинства. Чем размашистей идет в стране политическая жизнь — тем более утрачивается душевная. Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме *прав* человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств.

А САМИ-ТО МЫ — КАКОВЫ!

Источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни, а уже потом — уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие — не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений — основней, чем уровень изобилия. Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит. Среди всех возможных свобод — на первое место все равно выйдет свобода бессовестности: ее-то не запретишь, не предусмотришь никакими законами. *Чистая* атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами.

Разрушение наших д у ш за три четверти столетия — вот что самое страшное.

Страшно то, что развращенный правящий класс — многомиллионная партийно-государственная номенклатура — ведь не способна добровольно отказаться ни от какой из захваченных привилегий. Десятилетиями она бессовестно жила за счет народа — и хотела б и дальше так.

А из бывших палачей и гонителей — кто хоть потеснен с должностей? с незаслуженного пенсионного достатка? До смерти холили мы Молотова, еще и теперь Кагановича, и сколько неназванных. В Германии — всех таких, и куда мельче, судили,— у нас, напротив, *они же* сегодня грозят судами, в иным — сегодня! — ставят памятники, как злодею-чекисту Берзину. Да где уж нам наказывать государственных преступников? да не дождаться от них и самого малого раскаяния. Да хоть бы они прошли через публичный моральный суд. Нет, видно поползем и так...

А — славные движущие силы гласности и перестройки? В ряду этих модных слов — нет слова о ч и щ е н и е. И вот в новую гласность кинулись и все грязные уста, которые десятилетиями обслуживали тоталитаризм. Из каждых четырех трубадуров сегодняшней гласности — трое недавних угодников брежневщины,— и кто из них произнес слово *собственного* раскаяния вместо проклятий безликому «застою»? И с вузовских гуманитарных кафедр поныне самоуверенно вещают все те же, кто десятилетиями морочил студентам сознание. Десятки тысяч образованцев у нас отравлены ленинизмом, переметчивостью,— и мы ни от кого не ждем раскаяния, и весь этот душевный гной пусть так и тянется с нами в будущее?

А — душетлительная казарменная «дедовщина» для наших сыновей? Разве это изгладится когда-нибудь с них?

А всеобщая озлобленность наших людей друг ко другу? — просто так, ни за что. На тех, кто ни в чем не виноват.

Да удивляться ли и взрыву уголовной преступности — среди тех, кому всю их молодую жизнь были закрыты честные пути?

У прежних русских купцов было *купеческое слово* (сделки заключались без письменных контрактов), христианские представления, исторически известная размашная благотворительность,— дождемся ли мы такого от акул, выращенных в мутном советском подводье?

Западную Германию наполнило облако раскаяния — прежде, чем там наступил экономический расцвет. У нас — и не начали раскаиваться. У нас надо всею гласностью навешены гирляндами — прежние тяжелые жирные гроздья лжи. А мы их — как будто не замечаем.

Криво ж будет наше развитие.

Хотелось бы подбодриться благодетельными возможностями Церкви. Увы, даже сегодня, когда уже все в стране пришло в движение — оживление смелости мало коснулось православной иерархии. (И во дни всеобщей нищеты надо же отказаться от признаков богатства, которыми соблазняет власть.) Только тогда Церковь поможет нам в общественном оздоровлении, когда найдет в себе силы полностью освободиться от ига государства и восстановить ту живую связь с общенародным чувством, какая так ярко светилась даже в разгаре Семнадцатого года при выборах митрополитов Тихона и Вениамина, при созыве Церковного Собора. Явить бы и теперь, по завету Христа, пример бесстрашия — и не только к государству, но и к обществу, и к жгучим бедам дня, и к себе самой. Воскресительные движения и тут, как во всей остальной жизни, ожидаются — и уже начались — *снизу*, от рядового священства, от сплоченных приходов, от самоотверженных прихожан.

САМООГРАНИЧЕНИЕ

Самый модный лозунг теперь, и мы все охотно повторяем: «права человека». (Хотя очень разное все имеем в виду. Столичная интеллигенция понимает: свобода слова, печати, собраний и эмиграции, но многие возмущены были бы и требовали бы запретить «права», как их понимает чернонародье: право иметь жилище и работать в том месте, где кормят,— отчего хлынули бы миллионы в столичные города.)

«Права человека» — это очень хорошо, но как бы нам *самим* следить, чтобы наши права не поширялись за счет прав других? Общество необузданных прав не может устоять в испытаниях. Если мы не хотим над собой насильственной власти — каждый должен обуздывать и сам себя. Никакие конституции, законы и голосования сами по себе не сбалансируют общества, ибо людям свойственно настойчиво преследовать свои интересы. Большинство, если имеет власть расширяться и хватать — то именно так и делает. (Это и губило все правящие классы и группы истории.) Устойчивое общество может быть достигнуто не на равенстве сопротивлений — но на сознательном самоограничении: на том, что мы всегда обязаны уступать нравственной справедливости.

Только при самоограничении сможет дальше существовать все умножающееся и уплотняющееся человечество. И ни к чему было все долгое развитие его, если не проникнуться духом самоограничения: свобода хватать и насыщаться есть и у животных. Человеческая же свобода включает добровольное самоограничение в пользу других. Наши обязательства всегда должны превышать предоставленную нам свободу.

Только бы удалось — освоить нам дух самоограничения и, главное, уметь передать его своим детям. Больше-то всего самоограничение и нужно для самого человека, для равновесия и невзмутности его души.

И тут — много внутренних возможностей. Например, после нашего долгого глухого неведения — естествен голод: узнавать и узнавать правду, что же именно было с нами. Но иные уже сейчас замечают, другие заметят вскоре, что сверх того непосильный современный поток уже избыточной и мелочной информации расхищает нашу душу в ничтожность, и на каком-то рубеже надо самоограничиться от него. В сегодняшнем мире — все больше разных газет, и каждая из них все пухлей, и все наперебой лезут перегрузить нас. Все больше каналов телепередач, да еще и днем (а вот в Исландии — отказались от всякого телевидения хоть раз в неделю); все больше пропагандистского, коммерческого и развлекательного звука (нашу страну еще и поселе изможжают долбящие радиодинамики над просторами),— да как же защитить *право* наших ушей на тишину, право наших глаз — на внутреннее видение?

Размеренный выход из полосы наших несчастий, который Россия сумеет или не сумеет теперь осуществить,— труднее, чем было встряхнуться от татарского ига: тогда не был сокрушен самый хребет народа, и не была подорвана в нем христианская вера.

В 1754 году, при Елизавете, Петр Иванович Шувалов предложил такой удивительный — *Проект сбережения народа.*

Вот чудак?

А ведь — вот где государственная мудрость.

ПОДАЛЬШЕ ВПЕРЕД

Нельзя надеяться, что после нынешнего смутного времени наступит некое «спокойное», когда мы «сядем и подумаем», как устраивать будущее. Исторический процесс — непрерывен, и таких льготных передышек нам никто «потом» не даст, как не дали «сесть и подумать» Учредительному Собранию. И как ни жжет сегодняшнее — о нашем будущем устройстве все же надо думать загодя. (Мне же — и возраст мой не дает уверенности, что я еще буду участвовать в обсуждении этих вопросов.)

До революции народ наш в массе не имел политических представлений — а то, что за тем пропагандно вбивали в нас 70 лет, вело лишь к одурению. Сейчас, когда мы двинулись к развитию у нас политической жизни, уже обсуждаются и формы будущей власти,— полезно, чтоб избежать возможных ошибок, уточнить содержание некоторых терминов.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФОРМЕ

Освальд Шпенглер верно указывал, что в разных культурах даже сам *смысл* государства разный и нет определившихся «лучших» государственных форм, которые следовало бы заимствовать из одной великой культуры в другую. А Монтескье: что каждому пространственному размеру государства соответствует определенная форма правления и нельзя безнаказанно переносить форму, не сообразуясь с размерами страны.

Для *данного* народа, с его географией, с его прожитой историей, традициями, психологическим обликом,— установить такой строй, который вел бы его не к вырождению, а к расцвету. Государственная структура должна непременно учитывать традиции народа. «Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему.» (Иерем. 6, 16).

Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее свойственна лишь процентам двум), а хочет прежде всего устойчивого порядка. Даже христианский социалист Г. П. Федотов после опыта 1917 года настаивал, что власть

тетные голоса, какие могут прозвучать в государственной работе.

В нашей истории для того есть прочное подобие: Земский Собор в Московской Руси. Как писал Д. Шипов: когда у нас собирались Земские Соборы, то не происходило борьбы между Государем и Соборами, и неизвестны случаи, когда бы Государь поступил в противность соборному мнению: разойдясь с Собором, он только ослабил бы свой авторитет. Соборность — это система доверия; она предполагает, что нравственное единство — возможно и достижимо.

Такому плану идеально могла бы соответствовать Дума (Соборная Дума? Государственная Дума?), собранная как бы от народной совести — из авторитетных людей, проявивших и высокую нравственность, и мудрость, и обильный жизненный опыт. Но — никак не видно несомненного метода отбора таких людей.

Известным заменителем могла бы быть Дума, составленная от социальных слоев и профессий, можно сказать — от *сословий*. (По Далю, первое значение этого слова: люди общего им занятия, одних прав; второе: состояние, разряд, каста.)

Это два самых естественных принципа взаимодействия и сотрудничества людей: по общей территории, на которой они живут; и по роду их занятий, направлению их деятельности. Мы — каждый имеем свою работу, специальность, и тем получаем полезное место в структуре общества. Обезличенное полное равенство людских выражений — есть энтропия, направление к смерти. Общество живо именно своею дифференциацией. Несут на себе государство — те люди, которые думают, работают и создают все, чем живет страна. Чем лучше нация организована в социальных группах, тем явственней проступают ее творческие силы (Л. Тихомиров).

В раскрепощенном нашем обществе с годами несомненно разработаются и сплотятся жизнедеятельные сословия — сословия не в кастовом смысле, а — по профессиям и отраслям приложения труда. Слишком долго у нас всяким делом ведали и руководили те, кто ничего в нем не понимают. Наконец каждое дело должны вести знающие. А совета по каждому делу никто не даст лучше, чем представители данной специальности. (Сословия, основанные на духовном и деловом сотворчестве людей одной профессии, никак не следует путать с *профсоюзами*. В сословии — ты естественный член уже по одному роду своей работы. Профсоюз — это организация для борьбы за зарплату и материальные выгоды, куда не каждый вступает и не каждого принимают.)

В дополнение к земскому, территориальному представительству могло бы нарасти и действовать представительство сословное. (И часть энергии, непроизводительно растрачиваемой в партиях, направится в конструктивную сословную деятельность.)

Процедуру выборов (или назначения) своих депутатов в Соборную Думу каждое сословие определяло бы само. Они посылают туда (ведущие сословия — и по два) не политических депутатов и не для отстаивания своих политических интересов, а — самых опытных и достойных, кому доверяют общие суждения по роду деятельности своего сословия.

Для удобства сосредоточения работы число членов Думы не должно бы превосходить 200-250 человек. (Сословий может оказаться и больше, но может посылаться один представитель от группы родственных некрупных сословий.)

Мнение без голосования — вовсе не новинка. Например, у горцев Кавказа долго держался порядок не общего голосования, а — «опрос мудрых».

Всякое мнение, суждение или запрос, основательно мотивированное и обращенное более чем половиной Думы к президенту, совету министров, любой из двух палат или к верховной судебной власти,— публикуется. И запрошенная инстанция либо должна принять это суждение в руководство, либо опубликовать в двухнедельный срок мотивировку, по которой запрос отвергается. (В исключительных случаях военной тайны обмен происходит не публично; но члены Думы и в этом случае вправе получить любую нужную информацию о президентской, правительственной, законодательной или судебной деятельности.)

Так же, более чем от половины Думы, может быть выдвинут кандидат в президенты.

Если же суждение Соборной Думы принято без голосов против — оно накладывает запрет на любой закон, на любое действие любого учреждения,— и тот закон, то действие должны быть изменены. Таким же путем может быть наложено вето и на любую кандидатуру в президенты.

Добавление совещательной и весьма сведущей Соборной Думы — накладывает на все виды властей умственный и нравственный отпечаток. А возможности улучшить общество одними лишь политическими средствами — невелики.

«Цель общежития — установить между людьми нравственный порядок» (М. М. Сперанский).— «Свобода и законность, чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа» (А. К. Толстой).— «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» (В. О. Ключевский).

Право — это минимум нравственных требований к человеку, ниже которых он уже опасен для общества. «Во многих случаях то, что является правом, запрещается моралью, которая обращается к человеку с заповедями высшими и более строгими» (П. И. Новгородцев).

Нравственное начало должно стоять выше, чем юридическое. Справедливость — это соответствие с нравственным правом прежде, чем с юридическим.

ДАВАЙТЕ ИСКАТЬ

В этой сжатой работе я не имел возможности говорить об армии, милиции, судебной системе, большинстве вопросов законодательства, экономики и о профсоюзах. Моя задача была лишь — предложить некоторые отдельные соображения, не претендующие ни на какую окончательность, а только предпослать почву для обсуждений.

Разумное и справедливое построение государственной жизни — задача высокой трудности, и может быть достигнуто только очень постепенно, рядом последовательных приближений и нащупываний. Эта задача не угасла и перед сегодняшними благополучными западными странами, надо и на них смотреть глазами не восторженными, а ясно открытыми,— но насколько ж она больней и острей у нас, когда мы начинаем с катастрофического провала страны и разученности людей.

Непосильно трудно составлять какую-либо стройную разработку вперед: она скорее всего будет содержать больше ошибок, чем достоинств, и с трудом поспевать за реальным ходом вещей. Но и: нельзя вовсе не пытаться.

В основу предлагаемой работы положены мысли многих русских деятелей разной поры — и, я надеюсь, их соединение может послужить плодоносной порослью.

Июль 1990

Автор передает гонорар жертвам Чернобыля

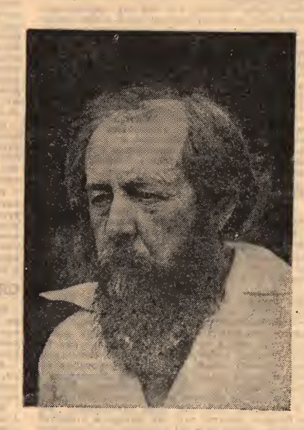
Специальный выпуск. Брошюра в газете.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

А. И. Солженицын

КАК НАМ ОБУСТРОИТЬ РОССИЮ

Посильные соображения

должна быть сильной и даже, писал он: не зависеть от совета законодателей и отчитываться перед ним лишь после достаточного срока. (Это, пожалуй, уже и слишком.)

Если избрать предлагаемый далее порядок построения институтов свободы *снизу*, при временном сохранении центральной власти в тех формальных чертах, как она уже существует,— то это займет у нас ряд лет, и еще будет время основательно обсудить здоровые правила государственного построения.

О будущем сегодня можно высказываться лишь предположительно, оставляя простор для нашего предстоящего опыта и новых размышлений. Окончательная государственная форма (если она вообще может быть *окончательной*) — дело последовательных приближений и проб.

Платон, за ним Аристотель выделили и назвали три возможных вида государственного устройства. Это, в нормальном ряду: монархия, власть одного; аристократия, власть лучших или для лучших целей; и политейя, власть народа в малом государстве-полисе, осуществляемая в общем интересе (мы теперь говорим — демократия). Они же предупредили о формах деградации каждого из этих видов, соответственно: в тиранию; в олигархию; в демократию, власть толпы (мы теперь говорим — в охлократию). Все три формы могут быть хороши, если они правят для общественного блага,— и все три искажаются, когда преследуют частные интересы.

С тех пор, кажется, никто и не создал практически ничего, что не вошло бы в эту схему, лишь дополняли ее формами конституций. И если обминуть еще полное безвластие (анархию, власть каждого сильного над каждым слабым); и не попасться снова в капкан тоталитаризма, изобретенного в XX веке; то нельзя сказать, чтоб у нас был широкий выбор: по всему потоку современности мы изберем несомненно демократию.

Но выбирая демократию — надо отчетливо понимать, ч т о именно мы выбираем и за какую цену. И выбираем как средство, а не как цель. Современный философ Карл Поппер сказал: демократию мы выбираем не потому, что она изобилует добродетелями, а только чтоб избежать тирании. Выбираем — с сознанием ее недостатков и поиском, как их преодолевать.

Хотя в наше время многие молодые страны, едва вводя демократию, тут же испытывали и крах — именно в наше время демократия из формы государственного устройства возвысилась как бы в универсальный принцип человеческого существования, почти в культ.

Постараемся все же уследить точный смысл термина.

ЧТО ЕСТЬ ДЕМОКРАТИЯ И ЧТО НЕ ЕСТЬ

Алексис Токвиль считал понятия демократии и свободы — противоположными. Он был пламенный сторонник свободы, но отнюдь не демократии. Дж. С. Милль видел в неограниченной демократии опасность «тирании большинства», а для личности нет разницы, подчинилась ли она одиночному тирану или множественному.

Г. Федотов писал, что демократию исказил атеистический материализм XIX века, обезглавивший человечество. И австрийский государственный деятель нашего века Иозеф Шумпетер называл демократию — суррогатом веры для интеллектуала, лишенного религии. И предупреждал, что нельзя рассматривать демократию вне страны и времени применения.

Русский философ С. А. Левицкий предлагал различать:

дух демократии: 1) свобода личности; 2) правовое государство;

и вторичные, необязательные признаки ее: 1) парламентский строй; 2) всеобщее избирательное право. Эти два последние принципа совсем не очевидны.

Уважение к человеческой личности — более широкий принцип, чем демократия, и вот о н о должно быть выдержано непременно. Но уважать человеческую личность не обязательно в форме только парламентаризма.

Однако и права личности не должны быть вознесены так высоко, чтобы заслонить права общества. Папа Иоанн-Павел II высказал (1981, речь на Филиппинах), что в случае конфликта национальной безопасности и прав человека приоритет должен быть отдан национальной безопасности, то есть целости более общей структуры, без которой развалится и жизнь личностей.

А президент Рональд Рейган (1988, речь в Московском университете) выразил так: демократия — не столько способ правления, сколько способ ограничить правительство, чтоб оно *не мешало* развитию в человеке *главных ценностей*, которые дают семья и вера.

У нас сегодня слово «демократия» — самое модное. Как его не склоняют, как им не звенят, гремят (и спекулируют).

Но не ощутимо, чтобы мы хорошо задумались над точным смыслом его.

После горького опыта Семнадцатого года, когда мы с размаху хлюпнулись в то, что считали демократией,— наш видный кадетский лидер В. А. Маклаков признал, и всем нам напомнил: «Для демократии нужна известная политическая дисциплина народа.»

А у нас ее и в Семнадцатом не было — и нынче как бы того не меньше.

ВСЕОБЩЕЕ-РАВНОЕ-ПРЯМОЕ-ТАЙНОЕ

Когда в 1937 Сталин вводил наши мартышечьи «выборы» — вынужден был и он придать им вид всеобщего-равного-прямого-тайного голосования («четыреххвостки»),— порядок, который в сегодняшнем мире кажется несомненным как всеобщий закон природы. Между тем, и после первой Французской революции (конституция 1791 г.) голосование еще не было таковым: оставались ограничения и неравенства в разных цензах. Идея всеобщего избирательного права победила во Франции только в революцию 1848. В Англии весь XIX век находились видные борцы за «конституционный порядок» — такой, который бы обеспечивал, чтобы никакое большинство не было тираном над меньшинством, чтобы в парламенте было представлено все разнообразие слоев общества, кто пользуется уважением и сознает ответственность перед страной,— это была задача сохранить устои страны, на которых она выросла. С 1918 сползла ко всеобщему избирательному и Англия.

Достоевский считал всеобщее-равное голосование «самым нелепым изобретением XIX века». Во всяком случае, оно — не закон Ньютона, и в свойствах его разрешительно и усумниться. «Всеобщее и равное» — при крайнем неравенстве личностей, их способностей, их вклада в общественную жизнь, разном возрасте, разном жизненном опыте, разной степени укорененности в этой местности и в этой стране? То есть — торжество бессодержательного количества над содержательным качеством. И еще, такие выборы («общегражданские») предполагают *неструктурность* нации: что она есть не живой организм, а механическая совокупность рассыпанных единиц.

«Тайное» — тоже не украшение, оно облегчает душевную непрямоту или отвечает, увы, нуждам боязни. Но на Земле и сегодня есть места, где голосуют открыто.

«Прямое» (то есть депутаты любой высоты избираются прямо от нижних избирательных урн) особенно спорно в такой огромной стране, как наша. Оно обрекает избирателей *не знать* своих депутатов — и преимущество получают более ловкие на язык или имеющие сильную закулисную поддержку.

Все особенности избирательной системы и спосо-

нам тогда, когда обнаружит у нас для себя высокую прибыльность. Но не заманивать к нам западный капитал на условиях, льготных для него и унизительных для нас, только придите и володейте нами,— этой расторговли потом не исправить, обратимся в колонию. (Хотя: за советские три четверти века мы и скатились на уровень колонии, а какой же иной?..) Допускать его — в твердом русле: чтобы вносимое им экономическое оживление не превышалось ни уносимой прибылью, ни разорением нашей природной среды. Тогда и мы ускорим наше качественное выравнивание с развитыми странами.

Но — не окончательно же забиты и забыты трудовые свойства нашего народа. Видим мы, как японцы вышли из падения и даже вознеслись не иностранными вливаниями, а своей высокой трудовой моралью. Как только снимется государственный гнет над каждым нашим действием и оплата станет справедливой — сразу поднимется качество труда и повсюду засверкают наши умельцы. Если и нескоро мы достигнем такого уровня, чтоб наши товары имели международный спрос,— то для страны нашего размера и богатства возможно немалое время обходиться и внутренним рынком.

Однако никакая нормальная хозяйственная жизнь, разумеется, несовместима с нынешней рабской милицейской «пропиской».

Надо нам научиться уважать (и отличать от хищничества, на взятках, в обкрад управленческой рухляди) — здоровую, честную, умную частную торговлю: она — живит и скрепляет общество, она нужна нам из первых.

Я вовсе не берусь высказывать предположений по вопросам финансовым, бюджетным и налоговым. Но ясно, что наряду со строгим природоохранным надзором и ощутимыми штрафами за порчу окружающей среды — должны финансово поощряться все природоустроительные усилия и восстановление традиционных производственных ремесел.

ПРОВИНЦИЯ

Станет или не станет когда-нибудь наша страна цветущей — решительно зависит не от Москвы, Петрограда, Киева, Минска,— а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости ее культуры — в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы, эти болезненные гиганты, освободились бы от искусственного переотягощения своим объёмом и необозримостью своих функций, что лишает и их нормальной жизни. Да они не сохранили и нравственных оснований подменять собой возрожденье страны, после того как провинция на 60 лет была отдана голоду, унижениям и ничтожности.

В с я провинция, в с е просторы Российского Союза вдобавок к сильному (и все растущему по весу) самоуправлению должны получить полную свободу хозяйственного и культурного дыхания. Наша родина не может жить самоценно иначе, как если укрепятся, скажем, сорок таких рассеянных по ее раскинутости жизненных и световых центров для своих краев, каждый из них — средоточие экономической деятельности и культуры, образования, самодостаточных библиотек, издательств,— так чтобы все окружное население могло бы получать полноценное культурное питание, и окружная молодежь для своего обучения и роста — все не ниже качеством, чем в столицах. Только так может соразмерно развиваться большая страна.

Вокруг каждого из таких сорока городов — возникнет из обморока и самобытность окружного края. Только при таком рассредоточении жизни начнут повсюду восстанавливаться загубленные и строиться новые местные дороги, и городки, и села вокруг.

И это особенно важно — для необъятной Великой Сибири, которую мы с первых же пятилеток ослепленно безумно калечили вместо благоденственного развития.

И здесь, как и во многом, наш путь выздоровления — с н и з о в.

СЕМЬЯ И ШКОЛА

Хотя неотложно все, откуда гибель сегодня,— а еще неотложней закладка долгорастущего: за эти годы нашего кругового наверстывания — что будет тем временем созревать в наших детях? от детской медицины, раннего выращивания детей — и до образования? Ведь если э т о г о не поправить сейчас же, то и никакого будущего у нас не будет.

О многобедственном положении женщины у нас — знают все, и все уже говорят, тут нет разнотолковщины, и нечего доказывать. И о падении рождаемости, о детской смертности, и о болезненности рожденных, об ужасающем состоянии родильных домов, ясель и детских садов.

Нормальная семья — у нас почти перестает существовать. А болезнь семьи — это становая болезнь и для государства. Сегодня семья — основное звено спасения нашего будущего. Женщина — должна иметь возможность вернуться в семью для воспитания детей, таков должен быть мужской заработок. (Хотя при ожидаемой безработице первого времени это не удастся так прямо: иная семья и рада будет, что хоть женщина сохранила пока работу.)

И такая ж неотсрочная наша забота — школа. Сколько мы выдуривались над ней за 70 лет! — но редко в какие годы она выпускала у нас знающих, и то лишь по доле предметов, да и таких-то — только в отобранных школах крупных городов, а Ломоносову провинциальному, а тем более деревенскому — сегодня никак бы не появиться, не пробиться, такому — нет путей (да прежде всего — «прописка»). Подъятие школ должно произойти не только в лучших столичных, но — упорным движением от нижайшего уровня и во всех просторах родины. Эта задача — никак не отложнее всех наших экономических. Школа наша давно плохо учит и дурно воспитывает. И недопустимо, чтобы должность классного воспитателя была почти не оплаченным добавочным бременем: она должна быть возмещена уменьшением требуемой с него учебной нагрузки. Нынешние программы и учебники по гуманитарным наукам все обречены если не на выброс, то на полнейшую переработку. И атеистическое вдалбливание должно быть прекращено немедленно.

А начинать-то надо еще и не с детей — а с учителей, ведь мы и х-т о всех забросили за край прозябания, в нищету; из мужчин, кто мог, ушли с учительства на лучшие заработки. А ведь школьные учителя должны быть отборной частью нации, *призванные* к тому: им вручается все наше будущее. (А — в каких институтах мы учили нынешних, и какой идеологической дребедени? Начинать менять, спасать истинные знания — надо с программ институтских.)

В скором будущем надо ждать, очевидно, и частных платных школ, обгоняющих общий подъем всей школы,— для усиления отдельных предметов и сторон образования. Но в тех школах не должно быть безответственного самовольства программ, они должны находиться под наблюдением и контролем земских органов образования.

Упущенная и семьей и школой, наша молодежь растет если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то, заманчивому исчужа. Исторический Железный Занавес отлично защищал нашу страну ото всего хорошего, что есть на Западе: от гражданской нестесненности, уважения к личности, разнообразия личной деятельности, от всеобщего благосостояния, от благотворительных движений,— но тот Занавес не доходил до самого-самого низу, и туда подтекала навозная жижа распущенной опустившейся «поп-масс-культуры», вульгарнейших мод и издержек публичности,— и вот эти отбросы жадно впитывала наша обделенная молодежь: западная — дурит от сытости, а наша в нищете бездумно перехватывает их забавы. И наше нынешнее телевидение услужливо разносит те нечистые потоки по всей стране. (Возражения против всего этого считаются у нас дремучим консерватизмом. Но поучительно заметить, как о сходном явлении звучат

БЛИЖАЙШЕЕ

Часы коммунизма — свое отбили.

Но бетонная постройка его еще не рухнула.

И как бы нам, вместо освобождения, не расплющиться под его развалинами.

МЫ — НА ПОСЛЕДНЕМ ДОКАТЕ

Кто из нас теперь не знает наших бед, хотя и покрытых лживой статистикой? Семьдесят лет влачась за слепородной и злокачественной марксо-ленинской утопией, мы положили на плахи или спустили под откос бездарно проведенной, даже самоистребительной, «Отечественной» войны — треть своего населения. Мы лишились своего былого изобилия, уничтожили класс крестьянства и его селения, мы отшибли самый смысл выращивать хлеб, а землю отучили давать урожай, да еще заливали ее морями-болотами. Отходами первобытной промышленности мы испакостили окружности городов, отравили реки, озера, рыбу, сегодня уже доконечно губим последнюю воду, воздух и землю, еще и с добавкой атомной смерти, еще и прикупая на хранение радиоактивные отходы с Запада. Разоряя себя для будущих великих захватов под обезумелым руководством, мы вырубили свои богатые леса, выграбили свои несравненные недра, невосполнимое достояние наших правнуков, безжалостно распродали их за границу. Изнурили наших женщин на ломовых неподымных работах, оторвали их от детей, самих детей пустили в болезни, в дикость и в подделку образования. В полной запущи у нас здоровье, и нет лекарств, да даже еду здоровую мы уже забыли, и миллионы без жилья, и беспомощное личное бесправие разлито по всем глубинам страны,— а мы за одно только держимся: чтоб не лишили нас безуёмного пьянства.

Но так устроен человек, что всю эту бессмыслицу и губление нам посильно сносить хоть и всю нашу жизнь насквозь — а только бы кто не посягнул обидеть, затронуть нашу н а ц и ю! Тут — уже нас ничто не удержит в извечном смирении, тут мы с гневной смелостью хватаем камни, палки, пики, ружья и кидаемся на соседей поджигать их дома и убивать. Таков человек: ничто нас не убедит, что наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение детей — что какая-то из этих бед первей нашей национальной гордости!

И вот почему, берясь предположить какие-то шаги по нашему выздоровлению и устройству, мы вынуждены начинать не со сверлящих язв, не с изводящих страданий — но с ответа: а как будет с нациями? в каких географических границах мы будем лечиться или умирать? А уже потом — о лечении.

А ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ!

Эту «Россию» уже затрепали-затрепали, всякий ее прикликает ни к ляду, ни к месту. И когда чудовище СССР лез захватывать куски Азии или Африки — тоже во всем мире твердили: «Россия, русские»...

А ч т о же именно есть Россия? Сегодня. И — завтра (еще важней). К т о сегодня относит себя к будущей России? И г д е видят границы России сами русские?

За три четверти века — при вдолбляемой нам и прогрохоченной «социалистической дружбе народов» — коммунистическая власть столько запустила, запутала и наморзила в отношениях между этими народами, что уже и путей не видно, как нам бы вернуться к тому, с прискорбным исключением, спокойному сожитию наций, тому даже дремотному неразличению наций, какое было почти достигнуто в последние десятилетия предреволюционной России. Еще б, может, и не упущено разобраться и уладить — да не в той лихой беде, как буре, завертевшей нас теперь. Сегодня видится так, что мирней и открытей для будущего: кому надо бы разойтись на отдельную жизнь, так и разойтись. И именно при этом всеместном национальном изводе, заслоняющем нам остальную жизнь, хоть пропади она, при этой страсти, от которой сегодня мало кто в нашей стране свободен.

Увы, многие мы знаем, что в коммунальной квартире порой и жить не хочется. Вот — так сейчас у нас накалено и с нациями.

Да уже во многих окраинных республиках центробежные силы так разогнаны, что не остановить их без насилия и крови — да и н е н а д о удерживать такой ценой! Как у нас все теперь поколесилось — так все равно «Советский Социалистический» развалится, в с е р а в н о! — и выбора настоящего у нас нет, и размышлять-то не над чем, а только — поворачиваться проворней, чтоб упредить беды, чтобы раскол прошел без лишних страданий людских, и только тот, который уже действительно неизбежен.

И так я вижу: надо безотложно, громко, четко объявить: три прибалтийских республики, три закавказских республики, четыре среднеазиатских, да и Молдавия, если ее к Румынии больше тянет, эти одиннадцать — да! — *непременно и бесповоротно будут отделены*. (А о процессе отделения — страницами ниже.)

О Казахстане. Сегодняшняя огромная его территория нарезана была коммунистами без разума, как попадя: если где кочевые стада раз в год проходят — то и Казахстан. Да ведь в те годы считалось: это совсем неважно, где границы проводить,— еще немножко, вот-вот, и все нации сольются в одну. Проницательный Ильич-первый называл вопрос границ «даже десятистепенным». (Так — и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции.) Да до 1936 года Казахстан еще считался автономной республикой в РСФСР, потом возвели его в союзную. А составлен-то он — из южной Сибири, южного Приуралья да пустынных центральных просторов, с тех пор преображенных и восстроенных — русскими, зэками да ссыльными народами. И сегодня во всем раздутом Казахстане казахов — заметно меньше половины. Их сплотка, их устойчивая отечественная часть — это большая южная дуга областей, охватывающая с крайнего востока на запад почти до Каспия, действительно населенная преимущественно казахами. И коли в этом охвате они захотят отделиться — то и с Богом.

И вот за вычетом этих двенадцати — только и останется то, что можно назвать Р у с ь, как называли издавна (слово «русский» веками обнимало малороссов, великороссов и белорусов), или — Россия (название с XVIII века) или, по верному смыслу теперь: Российский Союз.

И все равно — еще останется в нем сто народов и народностей, от вовсе немалых до вовсе малых. И вот тут-то, с этого порога — можно и надо проявить нам всем великую мудрость и доброту, только от этого момента можно и надо приложить все силы разумности и сердечности, чтоб утвердить плодотворную содружность наций, и цельность каждой в ней культуры, и сохранность каждого в ней языка.

СЛОВО К ВЕЛИКОРОССАМ

Еще в начале века наш крупный государственный ум С. Е. Крыжановский предвидел: «Коренная Россия не располагает запасом культурных и нравственных сил для ассимиляции всех окраин. Это истощает русское национальное ядро».

А ведь то сказано было — в богатой, цветущей стране, и прежде всех миллионных истреблений нашего народа, да не слепо подряд, а уцеленно выбивавших самый русский *отбор*.

А уж сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: н е т у н а с с и л на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Н е т у н а с с и л на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она

от расширения прав земств. (Вскоре вослед Л. Тихомиров, народоволец, ставший монархистом, опроверг это рассуждение, но не был услышан.)

Централизованная бюрократия инерционно старается ограничить области общественного самоуправления. Но это нужно лишь самой бюрократии, а никак не народу, да и не правительству. В здоровое время у местных сил — большая жажда деятельности, и ей должен быть открыт самый широкий простор. Как формулировал Тихомиров: во всем, где общественные силы и сами способны поддерживать общеобязательные нормы, действие правительственных учреждений излишне и даже вредно, так как без нужды расслабляет способность нации к самостоятельности. Повсюду, где допустимо прямое действие народных сил — в форме ли местного самоуправления или деятельности еще каких-то отдельных общественных ассоциаций, союзов,— это прямое действие должно быть им открыто.

Кроме того, этот общественный подпор незаменим для контроля над государственно-бюрократической системой и заставляет любого там чиновника служить честно и поворотливо.

Такую сочетанную систему, деловое взаимодействие администрации правительственной и администрации местных самоуправлений, Д. Шипов называл *государственно-земским строем*.

Но особое соотношение сложится в нынешний переходный и может быть не столь краткий период. Пока общественные силы будут медленно нарастать снизу, набираться государственного опыта, растить свои кадры — существующая бюрократия, привыкшая к бесконтрольному всевластию, будет упираться и всячески не уступать своих прав. Однако неизбежно резкое сужение их от возникновения хозяйственной самостоятельности в стране. Кроме того, в нынешних свежеизбранных, переходных советах уже показывают себя конструктивные силы, которые помогут этому расширению общественной самостоятельности.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ О ЦЕНТРАЛЬНЫХ ВЛАСТЯХ

Сегодня президентская власть — никак не лишняя при обширности нашей страны и обилии ее проблем. Но и все права Главы Государства, и все возможные конфликтные ситуации должны быть строго предусмотрены законом, а тем более — порядок выбора президента. Подлинный авторитет он будет иметь только после всенародного избрания (на 5 лет? 7 лет?). Однако для этого избрания не следует растрачивать народные силы жгучей и пристрастной избирательной кампанией в несколько недель или даже месяцев, когда главная цель — опорочить конкурента. Достаточно, если Всеземское Собрание выдвигает и тщательно обсуждает несколько кандидатур из числа урожденных граждан государства и постоянно живших в нем последние 7-10 лет. В результате обсуждений Всеземское Собрание дает по поводу всех кандидатов единожды и в равных объемах публичное обоснование и сводку выдвинутых возражений. Затем всенародное голосование (в один-два тура, по способу абсолютного большинства) могло бы производиться без напряженной изнурительной избирательной кампании. (Очевидно разумно, по американскому образцу, предусмотреть и должность вице-президента: его кандидатуру называет для себя кандидат в президенты, и они выбираются вместе.)

Если в течение срока избрания Всеземское Собрание тремя четвертями в каждой палате признает, что президент исполняет свои обязанности неудовлетворительно, оно должно опубликовать доказательные соображения о том — и они выносятся на народное голосование, как и возможные новые кандидаты. Напротив, если по истечении срока президентства Всеземское Собрание двутретным большинством в каждой палате продолжает поддерживать этого президента — нет видимых причин не оставить его на следующий срок без нового народного голосования. Если президент умрет во второй половине своего срока — вице-президент заступает его пост до конца срока; если в первой половине — всенародные выборы проводятся заново.

Президент назначает совет министров по своему усмотрению, предпочтительней — из специалистов, принятых на основании конкурса и в качестве государственных служащих; не желательно — из членов законодательных палат. Министры отчитываются как перед президентом, так и перед обеими палатами, но ими не могут быть сменены. (Можно не упустить из предсмертной программы П. А. Столыпина: двух-трехлетняя Академия для занятия высших государственных должностей из наиболее способных, отлично окончивших институты, с открытыми мотивированными общественными или персональными рекомендациями; в Академии — факультеты по профилю министерств. Среди министерств Столыпин выделял министерство местных самоуправлений — в помощь им.)

По определению нашего правоведа В. В. Леонтовича: правительство отличается от администрации (бюрократии) тем, что решает *новые* задачи, а администрация — старые, установившиеся. Соответственно — и требуемый высокий ранг квалификации министров; если же правительство само отдается бюрократизации, то оно потеряет способность вести страну.

Но и вся работа в административной системе должна никак не быть ни наградой, ни привилегией, не приносить никаких личных преимуществ. «Плодотворно только то правительство, которое видит в себе не что иное, как обязанность»,— писал М. Н. Катков. А после всего, пережитого нами, всякая *власть* как понятие — уже в неизбывном долгу перед народом. Чтобы теперь исправлять и нагонять все разваленное — правительственные учреждения должны отдавать все силы, возможно иметь удлиненный рабочий день.

Мы — почти ни в чем не можем копировать Швейцарию: и по размеру ее, и оттого что она создалась как союз независимых кантонов. Но несомненно можем перенять у нее: при определенном числе тысяч подписей — вносится законопроект, который палаты обязаны рассмотреть; при другом, большем числе (у нас — миллионов) — становится обязательным плебисцит по выдвигаемому вопросу. Эта законодательная инициатива масс добавляет гибкости в государственную жизнь.

Кроме таких плебисцитов и редких выборов президента — никакие более всенародные голосования не стали бы нужными.

СОВЕЩАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Добавляю эту главу никак не к сегодняшнему моменту,— но, мне кажется, весьма важную для нашего отдаленного государственного будущего.

Вспоминая свой богатый думский опыт, В. Маклаков выделял: самые прочные успехи демократии достигаются не перевесом большинства над меньшинством, а — соглашением между ними. Для страны с политической неопытностью он даже предлагал создавать *третью палату* парламента «из опытного и культурного меньшинства»: создание такой преграды будет мешать свободному разливу демократии, но для нее самой менее опасно, чем неограниченная власть большинства.

Делая и еще шаг в этой мысли: очевидно, надо искать форму государственных решений более высокую, чем простое механическое голосование. Все отдавать на голосование по большинству — значит устанавливать его диктатуру над меньшинством и над *особыми мнениями*, которые как раз наиболее ценны для поиска путей развития.

Высокий уровень деятельности всех государственных властей недостижим без установления над ними этического контроля. Его могла бы осуществлять верховная моральная инстанция с совещательным голосом — такая структура, в которой голосование почти вообще не производится, но все мнения и контрмнения солидно аргументируются, и это — наиболее автори-

Вообще по сравнению с колхозами — личная аренда (и не от колхозов, а от местного самоуправления) несомненный шаг к улучшению нашего сельского хозяйства. В норме, установленной для данной местности (в соответствии с кадастром),— аренда пожизненная и с неограниченной передачей по наследству; с отобранием участка лишь в случае небрежного землеуходства, но не от болезни семьи арендатора; с правом добровольного отказа от участка — и в этом случае оплатой арендатору того, что он вложил в землю и возвел на ней. (И для всего этого совсем не нужен специальный административный аппарат над арендаторами: подобные случаи не будут многочисленны, и с ними управится местное земство.)

Однако при нынешней нашей отвычке от земли (и оправданном недоверии к властам, уже столько раз обманывавшим) — арендой, может быть, уже людей и не привлечь. К тому ж, земельная аренда и не выдерживает экономической конкуренции с частной собственностью на землю, при которой и гарантировано длительное улучшение земли, а не истощение, и только при ней мы можем рассчитывать, что наше сельское хозяйство не будет уступать западному. И предвидя и требуя самодеятельности во *всех* областях жизни — как же не допустить ее с землей? Отказать деревне в частной собственности — значит закрыть ее уже навсегда.

Но введение ее должно идти с осторожностью. Уже при Столыпине были строгие ограничения, чтобы земля попадала именно в руки крестьян-земледельцев, а не крупных спекулянтов или на подставные имена, через «акционерные общества». А сегодня искоренено наше крестьянское сословие, вымерло; и больше развязанной ловкости у анонимных спекулянтов из теневой экономики, уже накопивших первичные капиталы; и нынешняя подкупная администрация не способна на четкий контроль,— сегодня, под маркой же «акционерных обществ», «организаций», «кооперативов», могли бы скупать едва ли не латифундии и затем сажать арендаторов уже от себя. (Не говоря уже о покупке земли иностранцами.) Такие покупки во всяком случае не должны быть допущены. Если земля окажется расхватана крупными владельцами — это сильно стеснит жизнь остальных. (Да и не можем мы такое допустить в предвидении близкого перенаселения всей планеты, тогда и нашей страны.)

Покупка земли должна производиться со льготами многолетней рассрочки, и в налогах тоже. Ограничение земельного участка предельными (для данной местности) размерами — само по себе никак не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усилия каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов. Что наши люди могут при этом — и в самых изнурительно-враждебных стеснениях от власти — творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных клочках, кормивших страну при дутой колхозной системе.

Ограничение размеров оставляет земельные резервы для раздачи малых участков земли — и рабочим, желающим иметь свой огородный урожай, и горожанам, ищущим отдушину от закупоренной жизни. И эта раздача — должна быть бесплатной (только бы обрабатывали!); этот же размер входил бы бесплатной частью и земледельцам, покупающим землю.

И для всех них — земля должна найтись.

ХОЗЯЙСТВО

Столыпин говорил: нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина: социальный порядок первичней и раньше всяких политических программ.

А — независимого гражданина не может быть без частной собственности.

За 70 лет в наши мозги втравили бояться собственности и чураться наемного труда как нечистой силы — это большая победа Идеологии над нашей человеческой сущностью. (Как и весь облик западной экономики внедряли в наши мозги карикатурно.)

Но обладание умеренной собственностью, не подавляющей других,— входит в понятие личности, дает ей устояние. А добросовестно выполненный и справедливо оплаченный наемный труд — есть форма взаимопомощи людей и ведет к доброжелательности между ними.

И зачем нам еще цепляться за централизованную холостую, идеологически «регулируемую» экономику, приведшую всю страну к нищете? — только чтобы содержать паразитический аппарат, иначе ему не останется и последнего оправдания?

Конечно, тот удар, который испытают миллионы неготовых непривычных людей от перехода к рыночной экономике, должен быть предельно смягчен. К счастью (к несчастью!) у нас есть для этого тот много-многомиллиардный валютный отток бюджета, только что перечислено, на что мы его распропащаем.

Скоро шесть лет — а шумливая «перестройка» еще ведь и не коснулась целебным движением ни сельского хозяйства, ни промышленности. А ведь эта растяжка — это годы страданья людей, вычеркиваемые из жизни.

Но и перенимать бездумным перехватом чужой тип экономики, складывавшийся там веками и по стадиям,— тоже разрушительно. Я не имею экономических знаний и менее всего отваживаюсь тут на точные предложения. Какой именно процедурой возможен переход от сплошь государственных предприятий к частным и кооперативным; какие тут финансовые условия должны быть предусмотрены; что именно из нынешнего государственного имущества останется в руках государства, в том числе из транспорта, флота, лесов, вод, земель, недр, а в какой доле они должны быть уступлены ведению областному и местному; на чьем бюджете будет социальное обеспечение, образование, жилищное строительство; какие потребуются новые трудовые законы,— о том есть уже много конкретных разработок у экономистов, хотя друг с другом и сильно несогласных.

Но в общем виде мне кажется ясным, что надо дать простор здоровой частной инициативе и поддерживать и защищать все виды мелких предприятий, на них-то скорей всего и расцветут местности,— однако твердо ограничить законами возможность безудержной концентрации капитала, ни в какой отрасли не дать создаваться монополиям, контролю одних предприятий над другими. Монополизация грозит ухудшением товаров: фирма может позволить себе, чтобы спрос не угасал, выпускать изделия недолговечные. Веками гордость фирм и владельцев вещей была неизносность товаров, ныне (на Западе) — оглушающая вереница все новых, новых кричащих моделей, а здоровое понятие *ремонта* — исчезает: едва подпорченная вещь вынужденно выбрасывается и покупается новая,— прямо напротив человеческому чувству самоограничения, прямой разврат.

К этому надо добавить еще и психологическую чуму роста цен — это в развитых-то странах: при росте производительности труда — цены не падают, а растут! пожирающее экономическое пламя, а не прогресс. (Старая Россия по веку жила с неизменными ценами.)

Нельзя допустить напор собственности и корысти — до социального зла, разрушающего здоровье общества. Противомонопольным законодательством необходимо в пределах любого вида производства регулировать непомерный рост сильно укрупненными налогами. Банки — нужны как оперативные центры финансовой жизни, но — не дать им превратиться в ростовщические наросты и стать негласными хозяевами всей жизни.

Так же в общем виде кажется ясным, что ценою нашего выхода из коммунизма не должна быть кабальная раздача иностранным капиталистам ни наших недр, ни поверхности нашей земли, ни, особенно,— лесов. Это опаснейшая идея: что загублено нашим внутренним беспорядьем — теперь пытаться спасать через иностранный капитал. Он будет литься к

бов подсчета голосов подробнейше обсуждались в России комиссиями, партийными комитетами весной и летом 1917, из-за чего Учредительное Собрание и упустило время. И все демократические партии высказались против выборов 4-х—3-х или даже 2-х-степенных: потому что при таких выборах тянется цепочка личного знания кандидатов, избираемые представители теснее связаны со своей исходной местностью, «с местной колокольней»,— а это лишало все партии возможности вставлять своих кандидатов из центра. Лидер кадетов П. Н. Милюков настаивал, что только *прямые* выборы от *больших* округов «обеспечат выбор интеллигентного и политически подготовленного представителя».

Кому что нужно.

СПОСОБЫ ГОЛОСОВАНИЯ

Цель всеобщего голосования — выявить Волю Народа: ту истинную Волю, которая будет все направлять лучшим образом для народа. Существует ли такая единая Воля и какова она? — никто не знает. Но замечательно, что при разной системе подсчета голосов мы узнаем эту волю по-разному и даже противоположно.

Большинству у нас сейчас не кажется важным, как именно устроена система голосования, а между тем она влияет существенно.

Состязуются в мире по крайней мере три системы подсчета: пропорциональная, мажоритарная и абсолютного большинства.

Пропорциональная система почти не проводится иначе, как по спискам (разумеется, партийным): в каждом округе (на несколько депутатских мест сразу, так партиям удобнее агитировать и контролировать) от каждой партии предлагается список кандидатов. И отдельный кандидат уже тем лишен личной ответственности перед избирателями, а только — перед партией; избиратели же лишены выбрать сами определенного представителя, кому доверяют, а выбирают только партию. (Различают две под-системы: «связанных списков», когда избиратель не может переставлять порядок желательности в списке, партия сама отберет, такой способ особенно применяется при малой грамотности населения; и под-система «свободных списков», где избиратель может отдать предпочтение кандидатам внутри списка или даже предложить свой список, что, и правда, очень затрудняет технику подсчета. Есть третий вариант, когда округа делятся на под-округа, лишь с одним именем в каждом, но все равно затем окружная комиссия производит подсчет по партиям и, по пропорции, предоставляет места именно партиям, а не лицам. Во всех случаях выбор лиц достается в основном партиям.)

В 1917 все партии от кадетов до большевиков предпочитали именно этот способ, и при многокандидатных округах. Это усиленно одобрял влиятельный кадет И. В. Гессен: партиям так наиболее удобно организоваться и действовать, а «при системе единоличных выборов руководящая роль нередко ускользает из рук партий»; одобрял и всем нам известный В. И. Ульянов-Ленин: он назвал «одним из самых передовых способов выбирать», когда выбираются «не отдельные лица, а партийные представители». Видно, не зря этот способ ему нравился. Пропорциональные выборы по спискам чрезмерно усиливают власть партийных инстанций, составляющих списки кандидатов, и дают перевес большим и организованным партиям. И это особенно потому выгодно партиям, что они могут рассовать своих центральных активистов по дальним округам, где те не живут, и так обеспечить их избрание. На этом — чтобы не требовалось от кандидата жить в своем округе — особенно настаивал кадетский съезд летом 1917: это «дает возможность для ЦК централизовать производство выборов». Да и все другие партии — на том же. Так сказать, централизованная демократия.

При пропорциональной системе малые меньшинства обычно могут получить какой-то голос в представительном собрании, но создается множество парламентских фракций, и силы распыляются в раздор. Или это толкает партии поправлять свое положение через беспринципные «коалиции с изъянами для своей программы — но лишь бы набрать голосов и захватить правительство. В сегодняшнем мире есть разительные примеры такой государственной слабости и долгих правительственных кризисов.

При мажоритарной системе тоже бывают такие противоестественные компромиссы между партиями, но в виде еще предвыборных блоков. При этой системе партия (или блок), едва опередившая других, получает подавляющее число мест, а едва позади — полный проигрыш: даже получив 49% голосов — бывает можно совсем не получить парламентских мест. А при неточном распределении избирательных округов может случиться и так, что мажоритарная система дает победу меньшинству. Так было, например, во Франции в 1893, 1898, 1902: некоторые победившие депутаты получили меньше голосов, чем побежденные; в двух последних случаях совсем не были представлены в палате депутатов — 53% избирателей.

Зато при этой системе создается устойчивое правительство.

Вводимая теперь у нас система выборов по абсолютному большинству (для чего возможен 2-й тур) также вытесняет мелкие партии, но дает возможность торговать голосами между 1-м и 2-м турами.

При системе двух партий, как в Соединенных Штатах, независимые кандидаты ничего не решают, избиратель несет свой голос одной из двух партий (обе — с сильным партийным аппаратом и богатейшей поддержкой). Не сразу, не всегда в одну избирательную кампанию, но при этой системе общественное недовольство находит выход, однако негативный: только бы сменить вот эту, правящую, партию — без гарантии, что сделают сменщики.

Итак, всего лишь от способа подсчета голосов может ошеломительно измениться и состав правительства и его программа, выражающая, разумеется, Волю Народа.

Но вообще в всякое голосование, при любом способе подсчета, — не есть поиск истины. Здесь все сводится к численности, к упрощенной арифметической идее, к поглощению меньшинства большинством, а это опасный инструмент: меньшинство никак не менее важно для общества, чем большинство, а большинство — может впасть и в обман. «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая по большинству от правды» (Исход, 23, 2).

К тому ж избирательные кампании при большой численности голосующих, среди незнакомых избирателей, бывают столь суетливы, азартны, да при частом пристрастии массовых средств информации, что даже отвращают от себя значительную часть населения. Телевидение хотя и выявляет внешность кандидата, манеру держаться, но не государственные способности. Во всякой такой избирательной кампании происходит вульгаризация государственной мысли. Для благоуспешной власти нужны талант и творчество — легко ли набрать их всеобщим голосованием на широких пространствах? Сама по себе — такая система не понуждает политических деятелей действовать выше своих политических интересов, а даже наоборот: кто будет исходить из нравственных принципов — легко может проиграть.

А. Токвиль, изучая США в XIX веке, пришел к выводу, что демократия — это господство посредственности. (Хотя чрезвычайные обстоятельства страны выдвигают и в ней сильные личности.)

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

А уж пройдя избрание — кандидат становится *народным представителем.*

Афинская демократия отвергала всякое «представительство» как вид олигархии. Но она могла себе это позволить при своей малообъемности.

Напротив, французские Генеральные Штаты в 1789, едва собравшись, провели закон, что отныне каждый депутат есть лишь часть этого коллективного собрания, *которое и есть воля народа*. Тем самым каждый депутат отсекался от своих избирателей и от личной ответственности перед ними.

бирателям хорошо знакомы. Избирательные кампании желательны самые скромные и краткие: лишь деловое оповещение о личных программах, биографиях и убеждениях; на эту процедуру не должны тратиться никакие государственные средства, а местные — по усмотрению местных сил. Также и многие подробности процедуры должны решаться на местах, и они могут весьма разниться от местности к местности.

Но всеобязательны должны быть:

1) Ценз возрастной. Какого возраста должен достичь избиратель, чтобы быть допущенным к решению народной судьбы? В наше время незрелая юность не получает устойчивого воспитания ни в семье, ни в школе, поверхностно нахватана в образовании и порой шатка к самым безответственным влияниям. Не следует ли повысить порог до 20 лет? (По суждению местностей или национальных областей этот возраст может быть установлен и выше.) А быть избранным — лишь с 30 лет? с 28?

2) Ценз оседлости. И избиратели, и тем более избираемые должны быть укоренены в данной местности, тесно связаны с ее интересами, основательно их понимать; недавние приезжие или вовсе случайные — не могут тут иметь ответственности суждения. Для избирателей оседлость не должна бы быть меньше трех последних полных, без существенного перерыва, лет. (Каждая местность может устанавливать у себя и выше.) Для избираемых — не меньше пяти последних лет (или, допустим: три последних года непрерывно плюс пять лет в прежнее время).

В местное земство избирается какое-то число законодателей («гласных»). Они утверждают административных лиц, постоянно ответственных перед ними в своей деятельности. В волости, малом поселке это может быть всего один человек. На уровне уезда это: уездная земская управа, которую выделяет из себя или набирает из специалистов уездное земское собрание.

Новоизбранные — перенимают власть от существующих местных и районных советов депутатов, а те упраздняются.

Выборы в местное земство — только прямые, выборы в уездное — зависят от размеров уезда и надежной всеизвестности кандидатов. При значительной территории и густоте населения — надежнее применить двухстепенные выборы: местные земства тотчас же заменяют собой местные советы, работают половину своего срока, а затем, сознакомясь в себе, выделяют из себя пропорциональную долю в уездное земское собрание до конца срока, до следующих выборов. (На эти полсрока продляется существование прежнего райсовета и райисполкома.)

На первый избирательный срок (2 года?) ничто выше уездного земства не избирается. При нашей политической неумелости — местное и уездное земство в ходе практического управления своею местностью станут и школой управления, и в них начнут проявляться и формироваться деятели, способные к более широкому охвату. Убеждает и пример издавних шахтерских забастовочных комитетов и «союзов трудящихся», проявивших такое сознание и такую организованность.

СТУПЕНИ ПЕРЕДАЧИ ВЛАСТИ

При географической обширности и бытовых условиях нашей страны прямые всегосударственные выборы законодателей в центральный парламент не могут быть плодотворны. Только выборы трех-четырехстепенные могут провести кандидатов и уже оправдавших себя и укорененных в своих местностях. Это будут выборы не отдаленных малознакомых людей, только и пофигурявших в избирательной кампании, но выборы по взаимному многолетнему узнаванию и доверию.

В конце первого (или даже второго) избирательного срока проводятся выборы третьей ступени: областного земского собрания. Их производят уездные земские собрания (и земское собрание областного города): из своей изученной среды выделяют отведенную им для области пропорциональную долю на весь следующий срок: сами же после этого подвергаются очередному переизбранию.

Составленное так областное земское собрание тут же заменяет собой облсовет, вместо облисполкома формирует для исполнительных действий областную земскую управу, само же, в долготу принятого избирательного срока, собирается только на очередные сессии, а в промежутках члены собрания живут в своих уездах. (После того как вся система станет работать устойчиво, сам избирательный срок может быть повсюду удлинен.)

Тут следовало бы не опустить совета нашего выдающегося земца Д. Н. Шипова: дабы исправить возможные упущения от выборных случайностей, каждое собрание имеет право не голосованием, а при полном согласии приобщать в свой состав, не более пятой части от своего объема, всем известных полезных и необходимых местных деятелей. В предстоящих условиях это даст и путь некоторым успешным деятелям райсоветов, облсоветов, затем и Верховного Совета — быть плавно принятыми в состав новой власти.

Чем авторитетнее будет областное земство — тем, соответственно, сильней самостоятельность и самопопечение автономных национальных республик и областей.

Не берясь тут предугадывать роль и место нынешних Верховных Советов Российской Федерации, Украины и Белоруссии — естественно предложить, чтобы в конце следующего срока областные земские собрания выделили бы из себя делегатов в Палату Союза (заменяющую Совет Союза) Всеземского Собрания (заменяющего Верховный Совет депутатов), а сами были бы по тому же принципу переизбраны уездными собраниями.

Нынешняя система равномочных палат Совета Союза и Совета Национальностей совсем не плоха, если бы выполнялась без показности и без мошенничества. Палата Национальностей могла бы остаться во Всеземском Собрании вообще без изменений — только с тем простором для каждой нации, что отведенные ей места она сама решает, каким порядком замещать: общими выборами или полномочиями по достоинству, и на какие сроки.

Существующий сегодня Совет Союза составлен по смутному смешанному принципу: частью территориальным голосованием, частью делегированием от КПСС и от организаций. Это — неприемлемо даже и на переходный (4-х? 6-летний?) период и должно быть как-то исправлено. Кроме того, он неуклюже огружен еще и Съездом депутатов, от чего законодательная работа только вязнет и осложняется.

Успешное построение земской системы, увершаемой Всеземским Собранием, требует, чтобы поработали и набрались опыта уездные и областные собрания, и областные, хорошо узнав друг друга, могли бы выделять во Всеземское Собрание делегации (либо постоянные на долготу срока, либо посменные на часть его), в которых областной опыт сливался бы со всероссийским и всегда надежно был бы представлен в нем. Парламент не может быть отвлеченно «центральным»: он должен состоять из реальных и авторитетных представителей областей, да еще с непременным условием, чтобы они определенную заметную часть года жили в своей местности, не то теряют право представлять ее. (Это — и в Соединенных Штатах так.)

СОЧЕТАННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ

Имеется в виду разумное сочетание деятельности централизованной бюрократии и общественных сил.

Такое сочетание бывало периодами и в Московской Руси: местное самоуправление вело не только местные дела, но и часть общегосударственных, однако под надзором центральной власти.

В 1899 С. Ю. Витте ложно-доказательным рассуждением, что самодержавие якобы несовместимо с широким местным самоуправлением, удержал Николая II

размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель.

Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многой доле своей никак не может освободиться от пространнодержавного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый «советский патриотизм» и гордится той «великой советской державой», которая в эпоху чушки Ильича-второго только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого жадного безмерного захватчика — когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: «зато большая страна, с нами везде считаются»,— это и есть, уже при нашем умирании, беззаветная поддержка коммунизма. Могла же Япония примириться, отказаться и от международной миссии и от заманчивых политических авантюр — и сразу расцвела.

Надо теперь жестко в ы б р а т ь: между Империей, губящей прежде всего нас самих,— и духовным и телесным спасением нашего же народа. Все знают: растет наша смертность, и превышает рождения,— мы так исчезнем с Земли! Держать великую Империю — значит вымертвить свой собственный народ. Зачем этот разнопестрый сплав? — чтобы русским потерять свое неповторимое лицо? Не к широте Державы мы должны стремиться, а к ясности нашего духа в остатке ее. Отделением двенадцати республик, этой кажущейся жертвой — Россия, напротив, освободит сама себя для драгоценного *внутреннего* развития, наконец обратит внимание и прилежание на саму себя. Да в нынешнем смешении — какая надежда и на сохранение, развитие русской культуры? все меньшая, все идет — в перемес и в перемол.

К сожалению, этот мираж «единонеделимства» 70 лет несла через свою нищету и беды и наша стойкая, достойная русская эмиграция. Да ведь для «единонеделимца» 1914 года — и Польша «наша» (взбалмошная фантазия Александра I «осчастливить» ее своим попечительством), и никак «отдать» ее нельзя. Но кто возьмется настаивать на этом сегодня? Неужели Россия обеднилась от отделения Польши и Финляндии? Да только распрямилась. И так — еще больше распрямимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», столь же необдуманного завоевания Александра II,— лучше б эти силы он потратил на недостроенное здание своих реформ, на рождение подлинно народного земства.

Наш философ этого века Ив. А. Ильин писал, что духовная жизнь народа важней охвата его территории или даже хозяйственного богатства; выздоровление и благоденствие народа несравненно дороже всяких внешних престижных целей.

Да окраины у ж е реально отпадают. Не ждать же нам, когда наши беженцы беспорядочно хлынут оттуда уже миллионами.

Надо перестать попугайски повторять: «мы гордимся, что мы русские», «мы гордимся своей необъятной родиной», «мы гордимся...». Надо понять, что п о с л е всего того, чем мы заслуженно гордились, наш народ отдался духовной катастрофе Семнадцатого года (шире: 1915—1932), и с тех пор мы — до жалкости не прежние, и уже нельзя в наших планах на будущее заноситься: как бы восстановить государственную мощь и внешнее величие прежней России. Наши деды и отцы, «втыкая штык в землю» во время смертной войны, дезертируя, чтобы пограбить соседей у себя дома,— уже тогда *сделали выбор* за нас — пока на одно столетие, а то, смотри, и не два. Не гордиться нам и советско-германской войной, на которой мы уложили за 30 миллионов, вдесятеро гуще, чем враг, и только утвердили над собой деспотию. Не «гордиться» нам, не протягивать лапы к чужим жизням — а осознать свой народ в провале изнуряющей болезни, и молиться, чтобы послал нам Бог выздороветь, и разум действий для того.

А если верно, что Россия эти десятилетия отдавала свои живленные соки республикам,— так и хозяйственных потерь мы от этого не понесем, только экономия финансовых сил.

СЛОВО К УКРАИНЦАМ И БЕЛОРУСАМ

Сам я — едва не на половину украинец, и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провел большую часть своих фронтовых лет, и до пронзительности полюбил ее печальную скудость и ее кроткий народ.

К тем и другим я обращаюсь не извне, а как *свой*.

Да народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это все — придуманная недавняя фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым не-русским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, «откуду русская земля стала есть», по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство. Одни и те же князья правили нами: Ярослав Мудрый разделял между сыновьями Киев, Новгород и все протяжение от Чернигова до Рязани, Мурома и Белоозера; Владимир Мономах был одновременно и киевский князь и ростово-суздальский; и такое же единство в служении митрополитов. Народ Киевской Руси и создал Московское государство. В Литве и Польше белорусы и малороссы сознавали себя русскими и боролись против ополяченья и окатоличенья. Возврат этих земель в Россию был всеми тогда осознаваем как *Воссоединение*.

Да, больно и позорно вспомнить указы времен Александра II (1863, 1876) о запрете украинского языка в публицистике, а затем и в литературе,— но это не продержалось долго, и это было из тех умопомрачных окостенений и в управительной, и в церковной политике, которые подготовили падение российского государственного строя.

Однако и суетно-социалистическая Рада 1917 года составилась соглашением политиков, а не была народно избрана. И когда, переступив от федерации, объявила выход Украины из России — она не опрашивала всенародного мнения.

Мне уже пришлось отвечать эмигрантским украинским националистам, которые втверживают Америке, что «коммунизм — это миф, весь мир хотят захватить не коммунисты, а русские» (и вот — «русские» уже захватили Китай и Тибет, так и стоит уже 30 лет в законе американского Сената). Коммунизм — это такой *миф*, который и русские, и украинцы испытали на своей шее в застенках ЧК с 1918 года. Такой *миф*, что выгреб в Поволжьи даже семенное зерно, и отдал 29 русских губерний засухе и вымирательному голоду 1921-22 года. И тот же самый *миф* предательски втолкнул Украину в такой же беспощадный голод 1932-33. И вместе перенеся от коммунистов общую кнуто-расстрельную коллективизацию,— неужели мы этими кровными страданиями не соединены?

В Австрии и в 1848 галичане еще называли свой национальный совет — «Головна Русска Рада». Но затем в отторгнутой Галиции, при австрийской подтравке, были выращены искаженный украинский ненародный язык, нашпигованный немецкими и польскими словами, и соблазн отучить карпатороссов от русской речи, и соблазн полного всеукраинского сепаратизма, который у вождей нынешней эмиграции прорывается то лубочным невежеством, что Владимир Святой «был украинец», то уже невменяемым накалом: нехай живе коммунизм, абы сгубились москали!

Еще бы нам не разделить боль за смертные муки Украины в советское время. Но откуда этот замах: по живому отрубить Украину (и ту, где сроду старой Украины не было, как «Дикое Поле» кочевников — Новороссия, или Крым, Донбасс и чуть не до Каспийского моря). И если «самоопределение нации» — так нация и должна свою судьбу определять с а м а. Без всенародного голосования — этого не решить.

Сегодня отделять Украину — значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения;

Наши четыре последовательных Государственных Думы мало выражали собой глубины и пространства России, только узкие слои нескольких городов, большинство населения на самом деле не вникло в смысл тех выборов и тех партий. И наш блистательный думец В. Маклаков признал, что «воля народа» и при демократии фикция: за нее всего лишь принимается решение большинства парламента.

Да и невозможны точные народные наказы своим депутатам на все будущие непредвидимые случаи. И — нет такого импульса, который заставлял бы нынешних избранцев стать выше своих *будущих* выборных интересов, выше партийных комбинаций и служить только основательно понятым интересам родины, пусть (и даже неизбежно) в ущерб себе и своей партии. Делается то, что поверхностно нравится избирателям, хотя бы по глубокому или дальнему смыслу это было для них зло. А в таком обширном государстве, как наше, тем меньше возможность проверять избранцев и тем большая возможность их злоупотреблений. Контрольного механизма над ними нет, есть только возможность попытки отказать в следующем переизбрании; иного влияния на ход государственного управления у народного большинства не остается. (А ведь ни при каком другом представительстве — гражданском, коммерческом, поверенные не могут иметь больше прав, чем доверители, и теряют мандат, если выполняют его нечестно.)

Но и так, парадоксально: при той, частой, системе, когда правительство формируется на основе большинства в парламенте, члены этого большинства уже перестают быть независимыми народными представителями, противостоящими правительству,— но всеми силами услужают ему и подпирают его, чтобы только оно держалось любой ценой. То есть: законодатели подчинены исполнительной власти.

(Впрочем, принцип *полного* разделения законодательной, исполнительной и судебной власти — не без спорности: не есть ли это распад живого государственного организма? Все три распавшиеся власти нуждаются в каком-то объединяющем контроле над собой — если не формальном, то этическом.)

И еще: все приемы предвыборной борьбы требуют от человека одних качеств, а для государственного водительства — совершенно других, ничего общего с первыми. Редок случай, когда у человека есть и те и другие, вторые мешали бы ему в предвыборном состязании.

А между тем, «представительство» становится как бы профессией человека, чуть не пожизненной. Образуется сословие «профессиональных политиков», для кого политика отныне — ремесло и средство дохода. Они лавируют в системе парламентских комбинаций — и где уж там «воля народа»...

В большинстве парламентов поражает — перевес юристов, адвокатов. «Юрократия». (Тем более, что законов такое изобилие, их система и юридическая процедура так сложны, что рядовой человек становится не способен защитить себя перед законом и на каждом шагу нуждается в дорогостоящем покровительстве адвоката.)

И ЧЕМ МОЖЕТ ОБЕРНУТЬСЯ

Конечно, демократическая система дает возможность острого наблюдения за действиями чиновников. Хотя, как ни удивительно, и современные демократии обросли грузной бюрократией.

Однако: и во всеобщих выборах большинство далеко не всегда выражает себя. Голосование часто проявляется вяло. В ряде западных стран больше половины избирателей и даже до двух третей — порой вообще не являются голосовать, что делает всю процедуру как бы и бессмысленной. И числа голосующих иногда раскалываются так, что ничтожный перевес достигается довеском от крохотной малозначительной партии — она-то как бы и решает судьбу страны или курс ее.

Как принцип это давно предвидел и С. Л. Франк: И при демократии властвует меньшинство. И В. В. Розанов: «Демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством.»

В самом деле, гибкая, хорошо приработанная демократия умеет лишить силы протесты простых людей, не дать им звучного выхода. Несправедливости творятся и при демократии, и мошенники умеют ускользать от ответственности. Эти приемы — распыляются по учреждениям демократической бюрократии и становятся неуловимы. Сегодня и из самой старинной в мире демократии, швейцарской, раздается тревожное предупреждение (Ганс Штауб): что важные решения принимаются в анонимных и неконтролируемых местах, где-то за кулисами, под влиянием «групп давления», «лоббистов».

И при всеобщем юридическом равенстве остается фактическое неравенство богатых и бедных, а значит более сильных и более слабых. (Хотя уровень «бедности», как его сегодня понимают на Западе, много, много выше наших представлений.) Наш государствовед Б. Н. Чичерин отмечал еще в XIX веке, что из аристократий всех видов одна всплывает и при демократии: денежная. Что ж отрицать, что при демократии деньги обеспечивают реальную власть, неизбежна концентрация власти у людей с большими деньгами. За годы гнилого социализма накопились такие и у нас в «теневой экономике», и срослись с чиновными тузами, и даже в годы «перестройки» обогатились в путанице неясных законов и теперь на старте ринуться в открытую,— и тем важней отначала строгое сдерживание любого вида монополий, чтоб не допустить их верховластья.

А еще удручает, что рождаемая современной состязательной публичностью интеллектуальная псевдо-элита подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла, прикрывает равнодушие к ним «плюрализмом идей» и поступков.

Изначальная европейская демократия была напоена чувством христианской ответственности, самодисциплины. Однако постепенно эти духовные основы выветриваются. Духовная независимость притесняется, пригибается диктатурой пошлости, моды и групповых интересов.

Мы входим в демократию не в самую ее здоровую пору.

ПАРТИИ

Ныне пришло к тому, что мы так же не мыслим себе политическую жизнь без партий, как личную без семьи.

Троцкий за месяц до октябрьского переворота возгласил: «Что такое партия? Это группа людей, которая добивается власти, чтобы иметь возможность выполнить свою программу. Партия, которая не хочет власти, недостойна называться партией.»

Конечно, большевицкая партия — это образчик уникальный. Однако само явление партий — древнее, и уже настолько давно было понято, что еще Тит Ливий написал: «Борьба между партиями есть и всегда будет гораздо худшая беда для народа, чем война, голод, мор или любой другой гнев Бога.»

«Партия» — значит *часть*. Разделиться нам на партии — значит разделиться на части. Партия как часть народа — кому же противостоит? Очевидно — остальному народу, не пошедшему за ней. Каждая партия старается прежде всего не для всей нации, а для себя и своих. Национальный интерес затмевается партийными целями: прежде всего — что нужно своей партии для следующего переизбрания; если вечто полезное для государства и народа проистекло от враждебной нам партии — то допустимо и не поддерживать его. Интересы партий да и само существование их — вовсе не тождественны с интересами избирателей. С. Крыжановский считал, что пороки и даже крушение парламентского строя происходят именно из-за партий, отрицающих единство нации и само понятие отечества. Партийная борьба заменяет где уж там поиск истины — она идет за партийный престиж и отвоевание кусков исполнительной власти. Верхуш-

А вот уже сегодня: притеснение абхазцев, притеснение осетин и недопуск на исконную родину высланных Сталиным месхов,— неужели это и есть желанная национальная свобода?

За что б мы ни взялись, над чем бы ни задумались в современной политической жизни — никому на нас не ждать добра, пока наша жестокая воля гонится лишь за нашими *интересами*, упуская не то что Божью справедливость, но самую умеренную нравственность.

НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ РОССИЙСКОГО СОЮЗА

За три четверти века так выбеднили мы, вассквернели, так устали, так отчаялись, что у многих опускаются руки, и уже кажется: только вмешательство Неба может нас спасти.

Но не посылается Чудо тем, кто не силится ему навстречу.

И судьба наших детей, и наша воля к жизни, и наше тысячелетнее прошлое, и дух наших предков, перелившийся же как-то в нас,— помогут найти силы преодолеть и это, и это все.

И хоть не отпущено нам времени размышлять о лучших путях развития и составлять размеренную программу, и обречены мы колотиться, метаться, затыкать пробоины, обступают нас первосущные нужды, вопиющие каждая о своем, о своем,— не должны мы терять хладнокровия и предусмотрительной мудрости в выборе первых мер.

Я не берусь в одиночку перечислять их: должны сойтись на совет здравые практические умы, на сотрудничество — лучшие энергии. Рыдает все в нашем сегодняшнем хозяйстве, и надо искать ему путь, без этого жить нельзя. И надо же скорей открыть людям трудовой смысл, ведь уже полвека никому нет никакого расчета работать! и некому хлеб выращивать, и некому за скотом ходить. И миллионы обитают так, что и жилищами назвать нельзя, или по двадцать лет в гнойных общежитиях. И нищенствуют все старики и инвалиды. И загажены наши дивные когда-то просторы промышленными свалками, изрыты чудовищным бездорожьем. И мстит природа, неблагодарно презренная нами, и расползаются радиоактивные пятна Чернобыля, да не только его.

И ко всему теперь вот — готовить переселение соотечественникам, теряющим жительство? Да, неизбежно.

И — откуда же набрать средств?

А: до каких же пор мы будем снабжать и крепить — неспособные держаться тиранические режимы, насаженные нами в разных концах Земли,— этих бездонных расхитчиков нашего достояния? — Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Анголу, Северную Корею, нам же — до всего дело! и это еще не все названы, еще тысячами околачиваются наши «советники», где ни попало. И столько крови пролито в Афганистане — жалко и его упустить? гони деньги и туда?.. Это все — десятки миллиардов в год.

Вот кто н а э т о даст отрубный единомгновенный отказ — вот это будет государственный муж и патриот.

А до каких пор и зачем нам выдувать все новые, новые виды наступательного оружия? да всеокеанский военный флот? Планету захватывать? А это все — уже сотни миллиардов в год. И это тоже надо отрубить — в одночас. Может подождать — и Космос.

А еще — льготное снабжение Восточной Европы нашим же все страдательным сырьем. Пожили «социалистическим лагерем» — и хватит. За страны Восточной Европы — радуемся, и пусть живут и цветут свободно,— а платят за все по мировым ценам.

И этого мало? Так пресечь безоглядные капитальные вложения в промышленность, не успевающие ожить.

Наконец — необозримое имущество КПСС, об этом уже все говорят. Награбили народного добра за 70 лет, попользовались. Конечно, уже не вернут ничего растраченного, разбросанного, расхищенного,— но отдайте хоть что осталось: здания, и санатории, и специальные фермы, и издательства,— и живите на свои членские взносы. (И за чисто партийный стаж — платите и пенсии сами, не от государства.)

И всю номенклатурную бюрократию, многомиллионный туненядный управительный аппарат, костенящий всю народную жизнь,— с их высокими зарплатами, поблажками да специальными магазинами,— кончаем кормить! Пусть идут на полезный труд, и сколько выручат. При новом порядке жизни четыре пятых министерств и комитетов тоже не станут нужны.

Вот отовсюду от этого — и деньги.

А на что ушло пять, скоро шесть лет многошумной «перестройки»? На жалкие внутрицекашные перестановки. На склепку уродливой искусственной избирательной системы, чтобы только компартии не упустить власть. На сплошные, путаные и нерешительные законы.

Нет, не откроется народного пути даже к самому неотложному, и ничего дельного мы не достигнем, пока коммунистическая ленинская партия не просто уступит пункт конституции — но полностью устранится от всякого влияния на экономическую и государственную жизнь, полностью уйдет от управления нами, даже какой-то отраслью нашей жизни или местностью. Хотелось бы, чтоб это произошло не силовым выжиманием и вышибанием ее — но ее собственным публичным раскаянием: что цепью преступлений, жестокостей и бессмыслия она завела страну в пропасть и не знает путей выхода. Вот чему пора, а не состраивать теперь для позорной преемственности новую РКП, принимать всю кровь и грязь на русское имя и волочиться против хода истории. Такое публичное признание партией своей вины, преступности и беспомощности стало бы хоть первым разрежением нашей густо-гнетущей моральной атмосферы.

А еще высится над нами — гранитная громада КГБ, и тоже не пускает нас в будущее. Прозрачны их уловки, что именно сейчас они особенно нужны — для международной разведки. Все видят, что как раз наоборот. Вся цель их — существовать для себя, и подавлять всякое движение в народе. Этому ЧКГБ с его кровавой 70-летней злодейской историей — нет уже ни оправдания, ни права на существование.

ЗЕМЛЯ

Для чего-то же дано земле — чудесное, благословенное свойство плодоносить. И — потеряны те скопления людей, кто не способен взять от нее это свойство.

Земля для человека содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное. Об этом убедительно писали у нас Глеб Успенский, Достоевский, да не только они.

Ослабление тяги к земле — большая опасность для народного характера. А ныне крестьянское чувство так забито и вытравлено в нашем народе, что, может быть, его уже и не воскресить, опоздано-перепоздано.

Как вводится сегодняшняя аренда — больше обман и издевательство, ни толку ни ряду, только хуже погубят охоту у людей, потянувшихся к земле. Арендаторы остаются в гнущей зависимости от колхозно-совхозных властей, и те могут вволю беззаконствовать. Под аренду выделяются часто худшие, заброшенные земли, и подороже берут за них, и инвентарь по завышенной цене, а продукцию вынуждают сдавать подешевле; то не дают обещанных кормов, то отбирают взятых на откорм животных, пропали и труд, и деньги; и «сельхозтехника» может внезапно нарушить договор. Да участок земли — это еще не свобода крестьянина, нужен же и свободный рынок, и доступный транспорт, и кредит, и ремонт техники, и строительный материал.

За все реформы мы беремся как похуже — так и тут. Только губят дело и отбивают у людей последнюю веру в обещания власти.

целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколькие — смешанного происхождения; сколько смешанных браков — да их никто «смешанными» до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими.

Братья! Не надо этого жестокого раздела! — это помрачение коммунистических лет. Мы вместе перестрадали советское время, вместе попали в этот котлован — вместе и выберемся.

И за два века — какое множество выдающихся имен на пересечении наших двух культур. Как формулировал М. П. Драгоманов: «Неразделимо, но и не смесимо.» С дружелюбием и радостью должен быть распахнут путь украинской и белорусской культуре не только на территории Украины и Белоруссии, но и Великороссии. Никакой насильственной русификации (но и никакой насильственной украинизации, как с конца 20-х годов), ничем не стесненное развитие параллельных культур, и школьные классы на обоих языках, по выбору родителей.

Конечно, если б украинский народ *действительно пожелал* отделиться — никто не посмеет удерживать его силой. Но — разнообразна эта обширность, и только *местное* население может решать судьбу своей местности, своей области,— а каждое новообразуемое при том национальное меньшинство в этой местности — должно встретить такое же ненасилие к себе.

Все сказанное полностью относится и к Белоруссии, кроме того, что там не распаляли безоглядного сепаратизма.

И еще: поклониться Белоруссии и Украине мы должны за чернобыльское бедовище, учиненное карьеристами и дураками советской системы,— и исправлять его, чем сможем.

СЛОВО К МАЛЫМ НАРОДАМ И НАРОДНОСТЯМ

И после всех отделений наше государство все равно, неизбежно, останется многонародным, хотя мы не гонимся за тем.

Для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваши, мордва, марийцы, якуты,— почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим. У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрета не может быть и здесь. (Да еще и не во всех автономных республиках коренная народность составляет большинство.) Но при сохранении всей их национальной самобытности в культуре, религии, экономике — есть им смысл и остаться в Союзе.

Как показало в XX веке создание многих малых государственных образований — это непосильно обременяет их избытком учреждений, представительства, армией, отсекает от пространных территорий разворота торговли и общественной деятельности. Так и горские кавказские народы, пред революцией столь отличавшиеся в верности российскому трону, вероятно еще поразмыслят, есть ли расчет им отделяться. Не крупный Российский Союз нуждается в примыкании малых окраинных народов, но они нуждаются в том больше. И — исполать им, если хотят с нами.

В советской показной и лживой государственной системе присутствуют, однако, и верные, если честно их исполнять, элементы. Такова — Совет Национальностей, палата, где должен быть услышан, не потерян голос и самой наималейшей народности. И вместе с тем справедлива нынешняя иерархия: «союзных республик» — автономных республик — автономных областей — и национальных округов. Численный вес народа не должен быть в пренебрежении, отказываться от этой пропорциональности — путь к хаосу; так может прозябать ООН, но не жизнеспособное государство.

Крымским татарам, разумеется, надо открыть полный возврат в Крым. Но при плотности населения XXI века Крым вместителен для 8-10 миллионов населения — и стотысячный татарский народ не может себе требовать *владения* им.

И наконец — наималейшие народности: ненцы, пермяки, эвенки, манси, хакасцы, чукчи, коряки... и не перечислить всю дробность. Все они благополучно жили в царской «тюрьме народов», а к вымиранию поволокли их мы, коммунистический Советский Союз. Сколько зла причинила им окаянщина нашей администрации и наша хищная и безмозглая индустрия, неся гибель и отраву их краям, выбивая из-под этих народностей последнюю жизненную основу, особенно тех, чей объем так угрожающе мал, что не дает им бороться за выживание. Надо успеть — подкрепить, оживить и спасти их! Еще не вовсе поздно.

Каждый, и самый малый, народ — есть неповторимая грань Божьего замысла. Перелагая христианский завет, Владимир Соловьев написал: «Люби все другие народы, как свой собственный.»

XX век содрогается, развращается от политики, освободившей себя от всякой нравственности. Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи. Пришел крайний час искать более высокие формы государственности, основанные не только на эгоизме, но и на сочувствии.

ПРОЦЕСС РАЗДЕЛЕНИЯ

Итак, объявить о несомненном праве на полное отделение тех двенадцати республик — надо безотлагательно и твердо. А если какие-то из них заколеблются, отделяться ли им? С той же несомненностью вынуждены объявить о *нашем* отделении от них — мы, остающиеся. Это — уже слишком назрело, это необратимо, будет взрываться то там, то сям; все уже видят, что вместе нам не жить. Так не тянуть взаимное обременение.

Еще этот мучительный и затратный процесс разделения отяжелит первый переходный период для всех нас, первую пору нового развития: сколько еще нужно средств, средств, когда их и так нет. Однако лишь это разделение прояснит нам прозор будущего.

Но самого реального отделения нельзя произвести никакой одноминутной декларацией. Всякое одностороннее резкое действие — это повреждение множества человеческих судеб и взаимный развал хозяйства. И это не должно быть похоже, как бежали португальцы из Анголы, отдав ее беспорядку и многолетней гражданской войне. С этого момента должны засесть за работу комиссии экспертов всех сторон. Не забудем и: как безответственно-небрежна была советская прометка границ. В каких-то местах может понадобиться уточненная, по истинному расселению, а каких-то — и местные плебисциты под беспристрастным контролем.

Конечно, вся эта разборка может занять несколько лет.

Перед миллионами людей встанет тяжелый вопрос: оставаться, где они живут, или уезжать? — а это связано с разорением всей их жизни, быта и нуждою в значительной помощи. (И не только для русских с окраин, но и окраинных уроженцев, живущих ныне в России.) Куда ехать? где новый кров? как дожить до новой работы? Это должно стать не личной бедой, а заботой вот этих комиссий экспертов и государственных компенсаций. И каждое новосозданное государство должно дать четкие гарантии прав меньшинств.

И еще сложней: как наладится безболезненная разъемка народных хозяйств или установление торгового обмена и промышленного сотрудничества на независимой основе.

И вот только в ходе этой работы и даже лишь по окончании ее перед каждым государственным образованием подымутся его подлинные Проблемы, а не тот ваядлый «национальный вопрос», который так натерщеню нам теперь, что перекосил все чувства и всю действительность.

Из того будущего разительные неожиданности проступают нам и сейчас. Так нетерпеливо жаждет национальной независимости Грузия! (Впрочем, Россия не завоевывала ее насильственно, а только Ленин в 1921.)

ки политических партий неизбежно превращаются в олигархию. А перед кем отчитываются партии, кроме своих же комитетов? — такая инстанция не предусмотрена ни в какой конституции.

Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийности уже подавляет личность и роль ее, всякая партия есть упрощение и огрубление личности. У человека — взгляды, а у партии — идеология.

Что можно тут пожелать для будущего Российского Союза?

Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям. При буйстве партий — кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня. Не дать возможности «профессиональным политикам» подменять собою голоса страны. Для всех профессиональных знаний есть аппарат государственных служащих.

Любые партии, как и всякие ассоциации и союзы, не более того, существуют свободно, выражают и отстаивают любые мнения, на свои средства могут иметь печать,— но должны быть открыты, зарегистрированы со своими программами. (Всякие тайные союзы, напротив, преследуются уголовно как заговор против общества.) Но недопустимо вмешательство партий в производственный, служебный, учебный процесс: это все — вне политики.

Во всяких государственных выборах партии, наряду с любыми независимыми группами, имеют право выдвигать кандидатов, агитировать за них, но — без составления партийных *списков:* баллотируются не партии, а отдельные лица. Однако выбранный кандидат должен на весь срок своего избрания выбыть из своей партии, если он в таковой состоит, и действовать под личную ответственность перед всей массой избирателей. Власть — это заповедное служение и не может быть предметом конкуренции партий.

Как следствие: во всех ступенях государственного представительства, снизу доверху, воспрещается образование партийных групп. И, само собой, перестает существовать понятие «правящей партии».

ДЕМОКРАТИЯ МАЛЫХ ПРОСТРАНСТВ

Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна. Очень нужна. Но при полной неготовности нашего народа к сложной демократической жизни — она должна постепенно, терпеливо и прочно строиться *снизу*, а не просто возглашаться громковещательно и стремительно сверху, сразу во всем объеме и шири.

Все указанные недостатки почти никак не относятся к демократии малых пространств: небольшого города, поселка, станицы, волости (группа деревень) и в пределе уезда (района). Только в таком объеме люди безошибочно смогут определить избранцев, хорошо известных им и по деловым способностям и по душевным качествам. Здесь — не удержатся ложные репутации, здесь не поможет обманное красноречие или партийные рекомендации.

Это — именно такой объем, в каком может начать расти, укрепляться и сама себя осознавать новая российская демократия. И это — самое наше жизненное и самое наше верное, ибо отстоит в нашей местности: неотравленные воздух и воду, наши дома, квартиры, наши больницы, ясли, школы, магазины, местное снабжение, и будет живо содействовать росту местной нестесненной экономической инициативы.

Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропрочной жизни, да само понятие «гражданской свободы» теряет смысл.

Демократия малых пространств тем сильна, что она *непосредственная*. Демократия по-настоящему эффективна там, где применимы *народные собрания*, а не представительные. Такие повелись — еще с Афин и даже раньше. Такие — уверенно действуют сегодня в Соединенных Штатах и направляют местную жизнь. Такое посчастливилось мне наблюдать и в Швейцарии, в кантоне Аппенцель. Я писал уже об этом в другом месте, не удержусь тут повторить кратко. На городской площади собраны, плотно друг ко другу стоят все имеющие право голоса («способные носить оружие», как предлагал и Аристотель). Голосование — открытое, поднятием рук. Главу своего кантонального правительства, ландамана, переизбрали очень охотно, с явной любовью,— но из предложенных им законопроектов тут же вслед проголосовали против трех: доверяем тебе! правь нами — но без этого!

А ландаман Раймонд Брогер в программной речи сказал: Вот уже больше полутысячелетия наша община не меняет существенно форм, в которых она правит сама собою. Нас ведет убеждение, что *свобода* связана с нашими обязательствами и нашим самосдерживанием. Не может быть свободы ни у личности, ни у государства без дисциплины и честности. Народ — решающий судья во всех важных вопросах, но он не может ежедневно присутствовать, чтоб управлять государством. И поэтому в управлении неизбежна примесь аристократического или даже монархического элемента. (То же говорил и Аристотель.) Правительство, продолжал Брогер, не должно спешить за колеблющимся переменчивым народным голосованием, только бы переизбрали вновь, не должно произносить зазывных речей избирателям, но двигаться против течения. Задача правительства: действовать так, как действовало бы разумное народное большинство, если бы знало все во всех деталях,— а это становится все невозможнее при растущих государственных перегрузках. Именно демократическая система как раз и требует сильной руки, которая могла бы государственный руль направлять по ясному курсу.

Демократия малых пространств веками существовала и в России. Это был сквозь все века русский деревенский мiр, а в иные поры — городские веча, казачье самоуправление. С конца прошлого века росла и проделала немалый путь еще одна форма его — *земство*, к сожалению, только уездное и губернское, без корня волостного земства и без овершения всероссийским. Октябрьский переворот насильственно сломал всякое земство, заменив его *советами*, от самого начала подмятыми компартией. Всей историей с 1918 эти советы опорочены: они никогда не были реальным самоуправлением ни на каком-либо уровне. Вносимые сейчас робкие избирательные изменения тоже не могут эту форму спасти: она не обеспечивает *местных* интересов с их влиянием через всю структуру снизу вверх. Я полагаю, что «советы депутатов» надо, шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой.

Много лет занимавшись государственной историей предреволюционной России, я использую тут опыт наших лучших практических деятелей и умов, соединенный с моей посильной разработкой. Разумеется, тот опыт не может быть просто перенесен в сегодняшнюю растерзанную страну, где искажены самые основы жизни, но и без него вряд ли наш подъем произойдет здоровыми путями.

Я использую тут и предреволюционные русские понятия и выражения, чтобы не строить еще третий ряд. Какие-то из них жизнь заменит, другие — приживутся.

ЗЕМСТВО

Будем различать четыре ступени его:

- местное земство (некрупный город, район крупного, поселок, волость)
- уездное земство (нынешний район, крупный город)
- областное земство (область, автономная республика)
- всероссийское (всесоюзное) земство.

Нам, совершенно отученным от действительного самоуправления, надо постепенно осваивать этот ход, с низших ступеней его. От залетных политиканов храни нас Бог — но иметь политические навыки полезно многим и многим в населении.

Голосование может производиться только за отдельных лиц. В объеме местного земства они, обычно, из-

Кто последний за границу?

Еще недавно в Румынии наказывали не только за встречи с иностранцами, но и за чтение заграничной периодики. Сегодня в стране начался настоящий выездной бум.

Еще в горячие послереволюционные дни Временный совет национального согласия принял декрет, согласно которому любой гражданин Румынии имеет право получить заграничный паспорт и выехать когда и куда захочет сколько угодно раз в год. Каждому выезжающему обменивают 200 долларов в год.

И недавно еще жившие в «золотой эпохе» румыны кинулись в неприспособленные для многотысячных посетителей «отделы выезда», чтобы быстрее увидеть своими глазами, как «гниет Запад». За восемь месяцев после революции органами внутренних дел выдано более 800 тысяч заграничных паспортов. Еще несколько тысяч заявок ждут своего рассмотрения. Около 120 тысяч из тех, кто уже получил паспорта, собираются за рубеж на постоянное место жительства. Недавно газеты сообщили, что около 8 тысяч румынских граждан, выехавших в западные страны в качестве туристов, остались там на неопределенное время.

Останавливаюсь около американского посольства, которое находится рядом с бухарестским отделением ТАСС. Разбившись на группы, несколько сот человек, среди которых в основном молодежь, стоят здесь целыми

...водителем. Жена окончила лицей, у нее «ходовая» в Румынии специальность — торговый работник. Ни один из них английского языка не знает, но согласны работать в США «кем угодно».

— Почему решили ехать?

— Хочется увидеть мир. Надоело стоять в очередях. Нет, политикой не занимались. А наши политики не скоро займутся интересующими нас проблемами. У них свои заботы.

— И что вы намерены сейчас предпринять?

— Попытаемся выехать в какую-нибудь другую страну, а потом видно будет. Может, оттуда сможем переехать в США.

Вероятно, молодые люди не знали, что и другие страны резко ограничили въезд их соотечественников. Недавно местные газеты сообщили, что австрийские власти решили вернуть на родину несколько сот румынских граждан. Связано это с тем, отметил министр внутренних дел Австрии Ф. Лешнак, что румыны «не знают, как пользоваться свободой на Западе, и не могут устоять перед различными соблазнами». Подобные сигналы раздаются и из других стран — ФРГ, Швеции, Финляндии. Не так давно газеты с обидой писали о том, что правительства Турции, Болгарии,

...процесса в стране» Вслед за этим газета «Ромыния либерэ» сообщила, что среди выехавших за рубеж большинство — молодые люди, «которые пришли к выводу, что в собственной стране у них мало перспектив». Правительство, подчеркивается в статье, должно принять срочные меры, чтобы приостановить «утечку мозгов» из страны.

Румынские газеты пишут и о такой стороне выездного бума. Многочисленные туристы буквально опустошают прилавки магазинов, стремясь вывезти на продажу все, что может принести хоть какие-то доходы за границей. Так, еженедельник «Флакэра» почти половину полосы отвел для перечисления случаев попыток вывезти из страны в большом количестве товары, нехватка которых остро ощущается на местном рынке. Среди них — обувь и одежда, продукты питания и запасные части для автомобилей, изделия из ценных металлов, древние иконы и произведения искусства, представляющие общенациональную ценность.

На состоявшейся недавно пресс-конференции представитель по печати МИД Румынии отметил, однако, что намечается и обратная тенденция. Только за последние месяцы в страну вернулось на постоянное жительство 59 граждан,

Разморозили...

Советский Союз и Саудовская Аравия приняли решение возобновить обмен дипломатическими представителями на уровне послов.

Сейчас никто уже толком не знает, почему в 1938 году посол Советского Союза был отозван из Саудовской Аравии. Говорят, в МИД СССР шла очередная чистка, и он, возможно, был разоблачен как агент саудийской разведки. Факт тот, что дипломатические отношения официально не прерывались, а были лишь заморожены.

О причинах отзыва советского посла из Эр-Рияда ничего не знал даже министр иностранных дел Саудовского королевства принц Сауд Аль-Фейсал Аль Сауд, с которым мы беседовали в Джидде перед его отлетом в Москву.

— Вопрос о восстановлении отношений обсуждался последние два-три года,— сказал принц.— Это было обоюдное стремление, вызванное позитивными изменениями в международной обстановке, причиной которых стала новая политика советского руководства.

— Ваше Высочество, Вы, безусловно, знаете, что в последнее время советские республики стали более самостоятельными в политических и экономических вопросах. Намерено ли Ваше государство установить особые отношения с республиками Средней Азии? Ведь в СССР в настоящее время проживают около 50 миллионов мусульман.

— Мы будем использовать все возможности для укрепления связей между нашим королевством и Советским Союзом.

Палестинцы вместо кувейтцев

В Багдаде принято неожиданное решение: открыть границу между Кувейтом и Саудовской Аравией и дать возможность кувейтцам эмигрировать. За два дня границу перешло около 6 тысяч семей, но разрешение перебраться в Саудовское королевство касается только коренных жителей оккупированного государства.

О причинах этого решения остается только гадать. Некоторые считают, что иракцы под видом кувейтцев хотят заслать в Саудовскую Аравию своих агентов. Другие полагают, что таким образом оккупанты намереваются лишить поддержки кувейтское движение сопротивления. Однако наиболее правильным представляется следующее объяснение: Багдад начал проводить в жизнь политику по изменению этнографической структуры Кувейта, который был объявлен Саддамом Хусейном девятнадцатой провинцией Ирака. Сейчас в страну прибывает множество палестинцев, которые занимают брошенные дома и магазины.

А. ВАСИЛЬЕВ.
(Наш спец. корр.).
Джидда.

ПРОЧИТАНО В «АВЕНИР»

Это не был акт безумия

Нападение на Кувейт — закономерное следствие эволюции багдадского режима, считает орган алжирской партии Объединение за культуру и демократию.

Итак, Ирак аннексировал нефтяные скважины Кувейта. Угроза нового взрыва вырисовывается все четче. Впечатляющий военный потенциал формируется в регионе. С. Хусейн, искушенный в политиканские маневры,— человек достаточно умный, но был не в состоянии соизмерить всю степень риска прежде, чем пойти на эту авантюру. Вторжение в эмират — далеко не акт безумия одного маньяка. Оно произошло с согласия всей политической и военной верхушки страны, а также при поддержке значительной части гражданского населения. Под лозунгом национализма армия, подчинившая себе все иракское общество, не имела иного выхода. Грабеж Кувейта был для Багдада вопросом жизни или смерти.

После серии кровавых переворотов армейская верхушка в конце концов монополизировала власть в Багдаде. Идеологическое прикрытие обеспечила партия БААС своими лозунгами национализма, призывами к модернизму, индустриализации. Этот фасад скрывал действительность совершенно иную: военная каста концентрировала в своих руках политическую власть и основные богатства страны.

Козырем же багдадского режима стали немалые доходы от продажи нефтепродуктов. Именно они обеспечили быструю стабилизацию военного режима и его продолжения в виде гражданских структур.

Внутренний мир был достигнут путем репрессий, путем широкого распространения коррупции и всеобщей декультуризации населения. Однако сопротивление этому в народе росло. Курды даже взялись за оружие в борьбе против центральной власти. Эта внутренняя напряженность несколько разрядилась после подписания в Алжире в 1975 году соглашений с Саддамом Хусейном, тогда еще номером два режима, и шахом Ирана. Тегеран, как и Багдад, находился тогда под пятой военного режима. Оба они нуждались в мире. В 1979 году ситуация резко меняется: мощная революция народных масс сметает шаха в Иране, подняв волну исламизма во всем мусульманском мире. Угроза «заражения» Ирака представляется очевидной. Столь же реальна она и для арабских монархий залива, показное богатство которых миллионами мусульман воспринималось как вызов. Арабские шейхи видели спасителя в лице С. Хусейна.

Почему он, однако, взял на себя эту роль? Да потому, что изменилась ситуация в самом Ираке: великодушно и широко распределяя привилегии среди своих сторонников, С. Хусейн вскоре столкнулся с фактом — финансовые ресурсы страны не такие уж неисчерпаемые. Обеспечение социального мира в стране требовало новых денег. Помощь от шейхов была довольно ограниченной. С. Хусейн решил не мелочиться, когда война с Ираном могла принести ему крупный куш.

За время восьмилетней войны иракская армия возросла и окрепла. Ее присутствие ощущается всюду в стране. Одновременно с этим экономика заметно деградировала: производительность промышленности упала; сельское хозяйство обеспечивало не более 20 процентов потребности населения в продуктах питания... Все сферы экономики погрязли в практически узаконенной коррупции. Внешний долг — порядка 70 миллиардов долларов. 80 процентов экспорта нефти расходуется на погашение этого долга. Экономический крах неминуем. Страна живет не по средствам. Без дополнительных финансовых ресурсов социальный мир сохранить вряд ли удастся: действительно, гигантские привилегии одних не могут не вызывать возмущения других; широкие слои пользуются льготами, источники которых никак не увязаны с производственной деятельностью. И вместе с тем мало кто готов отказаться от этих льгот. А иными словами, Багдад обречен добыть себе новый источник финансовых поступлений, чтобы обеспечить содержание армии и гражданской номенклатуры. С. Хусейн грабит Кувейт, как иные грабят банк. Ведь, по сути дела, Кувейт — это огромный банк.

А. ШУМИЛИН.
(Наш соб. корр.).
Алжир.

ПАВИЛЬОН СТАРЫХ НОВИНОК

После золотого дождя наград прошлых лет ни один из советских экспонатов на минувшей Лейпцигской ярмарке не был удостоен медали. Советский выставочный павильон уже в следующем году останется без советской экспозиции.

Скучноватый, наверное, город Париж — так скажешь, если попытаешься составить представление о нем по впечатлениям от сегодняшнего Лейпцига. От «маленького Парижа», как некогда окрестил Лейпциг влюбленный в него Гете. Нет, не вдохновляет город сегодня на подобные сравнения. Лейпциг и раньше-то, в хонеккеровские времена, оживал на короткое время лишь два раза в год, в дни ярмарок. В остальное же время город казался пустынным, сонным. Какой уж тут «праздник, который всегда с тобой».

Город жил ожиданием от марта до сентября и от сентября до марта, когда, собственно, и проводились ярмарки. Все дороги тогда, казалось, вели в Лейпциг. Все флаги были в гости. Железная

...дов с продукцией западногерманских фирм. Господи, чем мы только не интересовались? Больше всего, пожалуй, количеством ...

перегородка. Дальше — я заглянул в приоткрытую дверь — полутемная бесконечность складского помеще...

...сты же вновь созданных внешнеторговых фирм часто не обладают достаточно профессиональным опытом, не представляют себе конъюнктуру рынка, не знают даже элементарнейших вещей — как составить обычный контракт.

Существенно осложнило организацию выставки образование валютного союза между ГДР и ФРГ. Первоначально заявок на участие в ярмарке со стороны советских фирм было значительно больше. Но как только стало известно о введении в ГДР в обращение западногерманской марки, желающих поубавилось. Приехали только те, кто мог платить по счету свободно конвертируемой валютой. А расценки растут. Нам ведь во время подготовки выставки пришлось на ходу менять партнеров из числа устроителей яр-

...ный, где отдельно взятое государство — речь, разумеется, о нашей стране — устраивает свою собственную коллективную выставку. Другие страны и их фирмы арендуют помещения в специализированных павильонах, где представлены отдельные отрасли производства. Химики тянутся к химикам, часовщики к часовщикам и так далее. При таких условиях гораздо больше возможностей для успешной конкурентной борьбы за покупателя, который может сравнивать. Мы же оказались не просто в обособленном положении — в изолированном. Наши специалисты не всегда располагают временем, чтобы выбраться в другие павильоны, разбросанные по всему городу. Советская же выставка, в свою очередь, отнюдь не центр всеобщего тяготения.

рое находится рядом с бухарестским отделением ТАСС. Разбившись на группы, несколько сот человек, среди которых в основном молодежь, стоят здесь целыми днями. Изредка на улицу со списком в руках выходит консульский функционер и приглашает очередную пару на собеседование. Вот один из них после 20 минут «испытательной беседы» выходит. Их грустноватые лица подсказывают мне первый вопрос:

— Какая мотивировка отказа?

— Говорят, что мы не сможем найти работу в США,— буркнул мне молодой человек лет 30. Он с супругой и дочкой собирался переехать в Америку на постоянное жительство. У него неполное среднее образование, работал

соблазнами». Подобные сигналы раздаются и из других стран — ФРГ, Швеции, Финляндии. Не так давно газеты с обидой писали о том, что правительства Турции, Болгарии, Югославии и других соседних стран дали указания своим консульским и таможенным службам «ограничить въезд» в эти государства румынских граждан.

«Выездной бум» стал предметом острого обсуждения и в самой Румынии. Представители ряда оппозиционных формирований в совместной декларации отметили, что эмиграция из страны достигла «беспрецедентного уровня». Причины того, что люди покидают родные края, семьи, они видят в «неспособности нынешнего режима обеспечить развитие демократического

тель по печати МИД Румынии отметил, однако, что намечается и обратная тенденция. Только за последние месяцы в страну вернулось на постоянное жительство 59 граждан, ранее просивших политическое убежище на Западе. Надеемся, сказал он, что эта тенденция в скором времени будет расти.

Хорошо, если бы так. Не самое подходящее сегодня для страны время, чтобы тысячи граждан, оставляя свои рабочие места, неделями, а то и месяцами ждали у иностранных представительств заветного штемпеля.

Д. ДЬЯКОВ.
(Корр. ТАСС — для «КП»).

Бухарест.

Фото С. БУКОВСКОГО.

На одном дыхании

В Будапеште открыт восточноевропейский центр по охране окружающей среды

— Если кто-то полагает, будто контроль за выбросами промышленных предприятий — слишком дорогое удовольствие, пусть отправится в Восточную Европу. Города там серые от пыли и копоти, задыхаются от выхлопных газов. Средняя продолжительность жизни низкая, а детская смертность высокая. Годами длившемуся разрушению окружающей среды должен быть положен конец. Эти слова руководитель Агентства по охране окружающей среды США Уильям Рейли произнес в Будапеште на торжественной церемонии открытия Регионального восточноевропейского центра по охране окружающей среды. Идея создания такого центра была высказана американским президентом Джорджем Бушем во время его визита в Венгрию в прошлом году. Идею поддержали. За год была проведена большая подготовительная работа. США, Канада, ЕЭС и некоторые восточноевропейские страны, в том числе сама Венгрия, внесли в общий фонд необходимые 12 миллионов долларов.

В Западной Европе правительства уже давно поняли необходимость координировать деятельность по охране окружающей среды, сообща разрабатывать и осуществлять экологические программы. Но что побудило их соединить усилия, пусть пока в скромных масштабах, с восточноевропейскими странами, невзирая на их относительно низкий уровень развития техники и слабую экономику? Дело в том, что состояние окружающей среды в странах Центральной и Восточной Европы настолько запущенное, что сами они в обозримом будущем едва ли справятся с накопившимся грузом проблем. Необходима эффективная помощь более развитых стран, имеющих богатый опыт природоохранной деятельности. Нужны чистые технологии, современные стандарты, методики, нужны специалисты. С другой стороны, западноевропейские страны тоже страдают от загрязнения природы своих восточных соседей.

Созданный в Будапеште Центр — это независимая, неправительственная и некоммерческая организация. Ее работой будет руководить международный Совет директоров. Прежде всего Центр намерен вести широкую информационно-пропагандистскую деятельность.

Очень важны новые организационные подходы к природоохранной деятельности. Как например совместить жесткие требования рынка с рентабельностью производств, с необходимостью вкладывать немалые средства в очистные сооружения? Для наших стран это вопрос более чем актуальный, а на Западе он давно и успешно решается. Центр поможет восточноевропейским странам использовать накопленный там опыт.

К участию в работе Центра приглашаются все страны, сделавшие свой взнос. Только восточноевропейским государствам предоставлено право не платить. Звучит заманчиво, но что имеется в виду под Восточной Европой. Конкретно были названы страны-участницы: Болгария, Венгрия, Польша, Чехословакия, Югославия. ГДР считалась «отрезанным ломтем». Возможно, в будущем к этим странам присоединится Румыния. Я долго напрягал слух на церемонии открытия, пытаясь услышать хоть что-то об участии Советского Союза. Хоть в какой-нибудь форме, не важно, на каких условиях. Так и не услышал.

А. КАВЕРЗНЕВ.
(Наш соб. корр.).

Будапешт.

Оппозиционеры милостию божьей?

Митинг оппозиционных партий Республики Сербия чуть было не сорвался: дождь и холод опустились на Белград. Однако к назначенному сроку небо расчистилось, и несколько тысяч митингующих граждан смогли свободно выслушать своих лидеров. Один из них — председатель Светосавской партии Жарко Гаврилович — использовал в своей речи и этот «метеорологический» феномен. «Даже Бог,— сказал протоиерей Гаврилович,— за оппозицию».

На митинг оппозиционные сербские партии собрались из-за недовольства подготовкой к многопартийным выборам.

Дело в том, что Союз коммунистов республики, распавшийся несколько месяцев назад, как-то незаметно превратился в социалистическую партию, которая по-прежнему осталась у власти. Естественно, временно — до многопартийных выборов, назначенных на конец этого года. Но в новую партию перекочевали и лидеры бывших коммунистов.

Ультиматум оппозиции понятен: если в течение десяти дней правительство и представители социалистической партии не сядут за стол переговоров с оппозицией, то другие партии просто откажутся участвовать в выборах. Непонятно другое: позиция оппозиции. Объявив себя демократическим фронтом, то есть борцами за демократию, все партии выступают как ярые антикоммунисты. Знаете, что будет, если республиканские власти откажутся сесть за стол переговоров? Не только отказ от участия в выборах. Многие лидеры оппозиции заявили открыто: в случае непризнания их ультиматума они устроят нападение на все «коммунистические» институты — газеты, журналы, комитеты...

В. ХЛЫСТУН.
(Наш соб. корр.).

Белград.

Город жил ожиданием от марта до сентября и от сентября до марта, когда, собственно, и проводились ярмарки. Все дороги тогда, казалось, вели в Лейпциг. Все флаги были в гости. Железная дорога ГДР выдерживала огромный пассажирооборот паломников, наверное, только потому, что железная. Кто-то спешил в Лейпциг по делам — бизнесмены, политики, журналисты... Ну и эти... Ну, в общем, тоже коммерсантки. Из тех, что устанавливали тесные контакты преимущественно с представителями западных фирм — самым незамысловатым способом. Но большинство — я говорю о населении ГДР — ехало поглазеть, а если точней, полюбоваться. Любая витрина ярмарки была для восточных немцев окном в Европу, в мир, в необъятную вселенную товаров, представлявшихся такими же недоступными, как другие галактики...

Что такое ярмарка в чисто деловом плане, вашему корреспонденту кратко пояснил один бизнесмен:

— Это драка. Это жесткая, можно сказать, жестокая конкурентная борьба. Это активная форма завоевания рынка, эффективнейший способ рекламы товаров. Конечно, не только здесь, но во многом именно здесь формируется серьезная экономическая политика...

Стерлись ярмарочно-балаганные черты Лейпцига. «Старинная торговая площадь Европы» предстает в ином свете. И заставляет взглянуть на нее другими глазами. Прежде мало где за пределами Берлина советские журналисты, аккредитованные в ГДР, собирались в столь представительную компанию, как на ярмарке. Не аккредитоваться на ней было, если хотите, даже как-то невежливо по отношению к немецким друзьям. Для них значение ярмарки выходило далеко за рамки коммерции и упиралось в вопрос государственного престижа. Рост числа участников толковался как свидетельство все возрастающего авторитета ГДР на международной арене. Неофициально вопрос ставился так: социалистический Лейпциг должен был затмить славу своего западногерманского ярмарочного конкурента — Ганновера.

Мы мчались в Лейпциг порой с уже написанными заметками, стараясь успеть к открытию ярмарки. Чтобы ночью можно было спать спокойно с сознанием выполненного долга: мы своими глазами видели, что Генеральный секретарь ЦК СЕПГ, Председатель Госсовета ГДР действительно осмотрел советскую экспозицию, как об этом мы заранее сообщали в Москву. Мы высчитывали, на сколько минут на этот раз задержался товарищ Хонеккер в советском павильоне. С ревностью поглядывали на часы, пытаясь зафиксировать время, проведенное им у стен-

экспозиции.

дов с продукцией западногерманских фирм. Господи, чем мы только не интересовались? Больше всего, пожалуй, количеством медалей, пустым звоном которых старались убедить читателя: советское — значит отличное.

Ох, уж эти медали... Ну, положим, горькая, которую мы, грешные, потребляем — все умереннее,— от наград слаще не стала. Ну да ладно — на то она и горькая. Но почему мне, как, думаю, и читателю, должно быть горько от внезапного открытия: лишь недавно мне рассказали, что многие медали, которые золотым дождем сыпались на советских участников ярмарок, на деле были «фальшивыми», незаслуженными. Как их раздавали? Да примерно так, как у нас раньше ордена вешали. И распределял их в былые времена вовсе не оргкомитет. Очевидцы рассказывают: советскому павильону выделялась квота, разнарядка. Скажем, 20 медалей. А дальше все было просто. Во всяком случае до «позапрошлого» нашего посла в ГДР Абрасимова. Принималось решение: этому давать, этому не давать. Этому две, этому ни одной. Я спрашивал людей просвещенных: как «выбирали» лауреатов — «методом тыка»? Те пожимали плечами. Думаю, то, что я услышал, в достаточной степени правдиво. Потому что сейчас наступил час истины. Без разнарядок, которые в нынешних условиях просто немыслимы, на только что завершившейся Лейпцигской ярмарке ни один из советских экспонатов не был удостоен медали.

Чем мы только не интересовались в Лейпциге... Меньше всего, пожалуй, проблемами, которые возникали в связи с участием наших предприятий в ярмарке. Из газетчиков всерьез говорил о них в печати, пожалуй, только правдист Сергей Байгаров. Примеру его решил последовать и ваш корреспондент, приехав в Лейпциг специально не к парадно-официальному открытию ярмарки, а к будничному подведению ее итогов. Каково же было мое удивление... Не с радостью, а с сожалением приходится констатировать, что проблем у организаторов выставки в советском павильоне, возможно, в скором времени вообще не будет. Потому что, возможно, не будет и самой выставки.

Что бросалось в глаза прежде: отведенная под экспозицию площадь огромного советского павильона год от года «сжималась», словно шагреневая кожа, по мере того, как становились более явными пороки нашего народного хозяйства. Несоответствие внешних и внутренних объемов павильона сегодня выглядит просто абсурдным. Небольшой «пятачок» выставки, за ним — призванная создать впечатление стены временная перегородка. Дальше — я заглянул в приоткрытую дверь — полутемная бесконечность складского помещения. Ну а сама экспозиция? В прошлые годы мы, журналисты, осматривая отечественную выставку, измеряли ее достоинства или недостатки, прямо скажем, не совсем экономическими категориями: спрашивали друг друга — стыдно или не стыдно за страну? На этот раз у меня, наверное, щеки горели от стыда. Когда я рассматривал наш «перспективный» ширпотреб, предложенный вниманию зарубежных коммерсантов — двое из них как раз проходили мимо,— я услышал реплику, произнесенную по-немецки: «Все это хлам для салки завтрашнего дня».

С нескрываемой озабоченностью говорил о советской выставке ее директор Владимир Иванович Лабзин:

— Вы все видели сами... Экспозиция, если говорить откровенно, является отражением неблагополучия нашей экономики. Нашим предприятиям трудно вести успешную конкурентную борьбу с зарубежными фирмами в условиях резкого роста требований мирового рынка. По крайней мере предприятиям, которые здесь представлены. Даже те образцы их продукции, которые преподносятся как новинки, для мирового рынка являются новинками прошлого десятилетия. Составляющие конкурентоспособности — это отличные технические параметры, удачные инженерные решения, основанные на передовой научной мысли, прогрессивные технологии, приемлемая для рынка цена. Я таких качеств у выставленных экспонатов не нахожу. За некоторым исключением, конечно. Есть интересные медицинские приборы — к примеру, сапфировый скальпель, которым — и только им — пользуется офтальмолог Федоров. Доброе слово можно сказать о выставленных образцах элементной базы для электронной промышленности, о некоторых других экспонатах. Но, повторяю, это исключения. Одна из главных причин сокращения масштабов нашего участия в ярмарке — переход внешнеторгового объединения «Экспоцентр», других организаций на хозрасчет. Ушло то время, когда наша выставочная деятельность за рубежом финансировалась за счет бюджета. Нет больше у выставки былой идеологической окраски. Каждая организация, представленная в советском павильоне, ставит перед собой чисто коммерческие задачи. Сумеет ли она их решить — это остается вопросом. Наши предприятия, получившие возможность выхода на внешний рынок, до сих пор в целом ряде случаев не могут это право реализовать. Они поставлены в зависимость от внешнеторговых объединений. Специали-

ли только те, кто мог платить по счету свободно конвертируемой валютой. А расценки растут. Нам ведь во время подготовки выставки пришлось на ходу менять партнеров из числа устроителей ярмарки. В мае—июне я был в Лейпциге и вел переговоры с фирмами ГДР. А когда мы уже приступили к монтажу выставки, пришли представители западногерманских фирм. В категоричной форме предложили, что называется, забыть, что было, и выдвинули свои условия — куда более жесткие. К примеру, ставки западногерманской фирмы — экспедитора «Шенкер», занимающейся обработкой выставочных грузов, оказались на 260 процентов выше ставок аналогичной фирмы ГДР — «Дойтранс».

В будущем наше участие в ярмарке представляется проблематичным. Значительно вырастут тарифы на все виды услуг. Иначе говоря, выставка станет еще более дорогой. Это неизбежно приведет к дальнейшему сокращению экспозиции. Сегодня мы поставлены перед вопросом прекращения нашего официального государственного участия в Лейпцигской ярмарке — уже о будущего года. Это не должно означать, однако, что мы совсем «уйдем» из Лейпцига. Очевидно, в ярмарке будут участвовать отдельные предприятия. Но уже не в рамках единой советской экспозиции, а в отраслевом показе—в различных павильонах. Что же касается судьбы советского павильона...

Здесь я позволю себе прервать рассказ Владимира Ивановича. Хочется, чтобы читатель получил представление о нашем храме торговли в Лейпциге. Архитектурная громадина способна уместить в своем чреве гигантскую экспозицию. Полезная выставочная площадь составляет около 16 тысяч квадратных метров — сегодня используется лишь около 2 тысяч. Тяжеловесный фасад производит давящее впечатление. Над ним традиционный «кремлевский» конус-шпилька со звездой — только что не рубиновой. Конечно, рядом с другими павильонами — стандартными, грязно-серыми, но функционально оправдавшими себя «коробками» — помпезное здание выглядит из ряда вон выходяще. Но я даже не назвал бы его архитектурным излишеством. Это архитектурно-политическое чванство тех времен, когда мы пытались утвердить свое «превосходство» в чем бы то ни было и во что бы то ни стало. Ну не смогли мы, как ни старались, «облагородить» бывший цех, где в годы войны ремонтировались танки гитлеровского вермахта, перестроив его под выставочный павильон.

Впрочем, павильон — белокаменная «ворона» на ярмарке не только в силу своих архитектурных особенностей, но и потому, что он единствен-

ши специалисты не всегда располагают временем, чтобы выбраться в другие павильоны, разбросанные по всему городу. Советская же выставка, в свою очередь, отнюдь не центр всеобщего тяготения. Выходит, что сама идея укрыться, как в раковине, в собственном павильоне в основе своей была порочна.

Но павильон есть, и от этого никуда не деться. Он наша собственность. Более того, собственность нашего государства — и земля, на которой он стоит. Радоваться бы надо. Но только не лучатся дежурным оптимизмом лица людей, всерьез размышляющих о дальнейшей судьбе павильона. Это уже не коммерческая тайна, что выставлять в нем в ближайшее время будет практически нечего. А содержание здания — тепло-, энерго- и водоснабжение, оплата персонала, охраны, проведение ремонтных работ по поддержанию в приличном состоянии как фасада, так и интерьера может обойтись очень недешево. Где выход? Повесить замок — глупо. Возможен вроде бы такой вариант — сдача павильона в аренду ярмарочному комитету. Но есть опасение, что полученной в результате этого прибыли после обложения ее налогом все равно не хватит для содержания здания. К тому же западные фирмы, которые устроились бы в павильоне на правах квартирантов, мягко говоря, смущала бы — в этом нет сомнений—наша выполненная в назойливом стиле символика: и шпиль со звездой, и гигантские нависающие над входом буквы «UdSSR». И к выставленному перед входом огромному бюсту В. И. Ленина они вряд ли будут испытывать симпатию. Но независимо от их симпатий позволю себе выразить собственную точку зрения. Не вписывается Ленин в сегодняшнюю насквозь коммерческую атмосферу ярмарки. Я не такой радикал, чтобы вслед за поэтом требовать: «Уберите Ленина с денег!», но вот с ярмарки... На мой взгляд, над этим следовало бы задуматься. При тех плачевных результатах, к которым мы в конце концов пришли в Лейпциге, лучший способ дискредитировать имя Ленина — оставить его бюст на прежнем месте.

Подвести итоги советского участия в ярмарке я попросил В. И. Лабзина. Тот был откровенен:

— О степени эффективности выставки судить пока трудно. Переговоры все еще идут. Но очень вяло. Сколько-нибудь серьезных переговоров практически нет...

Что ж, если ярмарка — «драка», то многие наши участники выйдут из нее без синяков. Кто же станет бить лежачего?

С. МАСЛОВ.
(Наш соб. корр.).

Лейпциг — Берлин.

ХИТ-ПАРАД «КП»

В поп-музыке продолжается взлет второго поколения ласковых мальчиков: поднимаются в таблице Костя, Ромочка... Слегка сдал Женечка, но мы это переживем. У слушателя почти нет выбора: либо слушать это, либо возвращаться к проверенным и непотопляемым ветеранам. Растет популярность Леонтьева и Ротару. Вообще выхода из кризиса пока не намечается: когда из месяца в месяц читатели называют одни и те же имена, это о многом говорит. Мы советуем нашим дорогим читателям перед отправкой открытки подумать: а кто же вас впечатлил именно в сентябре?

ПОП-РЕЙТИНГ			РОК-РЕЙТИНГ		
1.	1.	«ЛАСКОВЫЙ МАЙ»	1.	1.	«КИНО»
2.	4.	В. ЛЕОНТЬЕВ	2.	2.	«НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС»
3.	2.	Д. МАЛИКОВ	3.	3.	«АЛИСА»
4.	15.	К. ПАХОМОВ	4.	4.	«АКВАРИУМ»
5.	5.	А. ГЛЫЗИН и «УРА»	5.	6.	«ДДТ»
6.	3.	В. ПРЕСНЯКОВ	6.	10.	«МАСТЕР»
7.	17.	С. РОТАРУ	7.	7.	«АРИЯ»
8.	9.	А. МАЛИНИН	8.	9.	«КРУИЗ»
9.	6.	Е. БЕЛОУСОВ	9.	—	«АГАТА КРИСТИ»
10.	12.	Р. ЖУКОВ и «МАРШАЛ»	10.	—	«ПАРК ГОРЬКОГО»
11.	11.	А. СЕРОВ	11.	8.	«ЧЕРНЫЙ КОФЕ»
12.	7.	А. ПУГАЧЕВА	12.	5.	«МАШИНА ВРЕМЕНИ»
13.	16.	«МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»	13.	—	«БРИГАДА С»
14.	13.	«ЛЮБЭ»	14.	—	«КОРРОЗИЯ МЕТАЛЛА»
15.	10.	В. КУЗЬМИН и «ДИНАМИК»	15.	—	«НАСТЯ»
16.	—	«КОМБИНАЦИЯ»	16.	—	«ЧАЙФ»
17.	8.	В. САЛТЫКОВ и «ЭЛЕКТРОКЛУБ»	17.	—	«АУКЦЫОН»
18.	19.	«МИРАЖ»	18.	—	«ПИКНИК»
19.	14.	«ФОРУМ»	19.	—	«МИСТЕР ТВИСТЕР»
20.	—	«ФРИСТАЙЛ»	20.	—	«МАРКИЗА»

Цифры в первой колонке обозначают позицию группы и исполнителя в августе. Вторая колонка показывает результаты предыдущего опроса.

Если ситуацию в поп-музыке можно назвать кризисом, то на рынке рок-н-ролла полная депрессия, тяжелые времена: если посмотреть на список, то не совсем ясно, то ли это сентябрь 1990 года, то ли 89-го, то ли 88-го. Впрочем, и три года назад мы с вами слушали в основном то же самое... И напоследок традиционное разъяснение (для малопонятливых): убедительная просьба — в конвертах открыток не посылать и по двадцать штук не заполнять. Бесполезно. Больше всего этим грешат фанаты «Ласкового мая»

НОВОЕ ИМЯ В ХИТ-ПАРАДЕ

«Аукцыон» через «Ы»

1. Отрывок из письма, полученного нами из Магадана от военнослужащего Эдика К:

...Если кто-нибудь прочитает мое письмо, то знайте, я служу в нашей непобедимой Красной Армии. Здесь очень туго с музыкой. Люди здесь быстро тупеют, а я не хочу этого, понимаете? И ваш «Клуб 33 1/3» — один из источников правдивой информации. Спасибо, например, за фото «Вежливого Отказа», оно было просто изумительно...

Сначала я слушал хэви метал, но потом мне в руки попалась пластинка «Ленинградский рок-клуб»... Знакомство с различными группами и стилями помогло мне выбрать из всего пестрого мира сегодняшней совдепии и постоянно загнивающего Запада все рок-изюминки. Я так думаю, что я — меломан, потому что мне нравятся такие непохожие друг на друга группы, как «Депеш Мод» и «Вежливый Отказ», «Кино» и «Звуки Му», «Аукцыон» и «Грейтфул Дэд»...

Но, знаете, я и по сей день считаю «Аукцыон» одной из самых очумительных групп в

правозащитный митинг, но и его забрали. Это было отнюдь не во времена застоя. И вот последний случай: на фестивале «Программы А», во время прямого включения на весь Советский Союз и Европу, именно во время выступления «Аукцыона» случилась странная вещь: камеры вдруг потеряли резкость, показали кусочек пиджака Гаркуши, затем ногу Веселкина, а потом... только концертную площадку общим планом, не обращая никакого внимания на сцену. Следом ведущий программы товарищ Антипов, сославшись на недостаток времени, просто убрал «Аукцыон» из эфира, хотя они успели сыграть только вступление. Таким образом, «Аукцыон» остается единственной профессиональной рок-группой, до сих пор подвергающейся цензуре в СССР.

...Мы бубним о свободе и демократизации, но стоит нам столкнуться с чем-то необычным, непривычным, как инстинкт срабатывает с исправностью мышеловки.

Шоу «Аукцыона» — блестящая импровизация, экспрессивная, трагикомичная эскалада, редкий случай, когда на сцене получается действитель-

ботаем. Конечно, сейчас стали замечать и мою, скажем, работу, но я всегда работал на него. Гаркуша меняется. Раньше он был таким... немного обиженным ребенком на сцене. А теперь — он взрослый, пожилый мужчина, который все-таки взял самое важное из детства.

Но фундамент «Аукцыона» — это Леня Федоров, на нем все держится. Он может создавать новые мелодии бесконечно. И он — наша опора, лидер не только во время работы, но и в жизни. Мы на него ориентируемся.

Что меня привлекло в рок-музыке? Знаете, я ведь пришел совсем из других сфер. Окончил институт культуры, преподавал. Но когда однажды попал на концерт «Аукцыона», тогда еще название писали через «и», «Аукцион» — понял: вот то, что мне нужно. Это моя атмосфера, моя жизнь. Я просто взял и попросился. И меня взяли!..

Рок — действительно другая жизнь. Это этические требования к себе, высочайшее напряжение. От тебя требуется полное соответствие — того, как ты ведешь себя в жизни, что ты говоришь и то, что ты делаешь на сцене. Конечно, как и в другом искус-

5. Маленькое грустное стихотворение, написанное Олегом Гаркушей во время прогулки по городу Саратову.

И не робость, и не страх,
просто хочется
Хоть денек, хоть часок
одиночества.
И не ложь, и не лесть,
просто кажется,
Что последним этот шаг
вдруг окажется.
И в клубок наша жизнь
заплетается,
Узелки, как мечты,
разрываются.
...И не робость, и не страх,
просто хочется
Завязать узелок
одиночества...

6. Дискография группы «Аукцыон»

Магнитофонные альбомы

«Вернись в Сорренто» 1986
«В Багдаде все спокойно» 1987
«Так я стал предателем» 1988
«Дупло» 1989

Пластинки

«В Багдаде все спокойно» («Мелодия»)

Профессионал, который так и остался любителем

Завтра Вячеславу Старшинову исполняется 50 лет

Встретиться с Вячеславом Старшиновым задумал я сразу, как только узнал о приближающемся его юбилее. Но где это сделать? В домашних условиях, где тишина и покой? Не получится ли ностальгический монолог человека, которого помнят только по фамилии большинство нынешних поклонников «Спартака», об ушедших в Лету хоккейных временах? Не лучше ли... К счастью, сам Старшинов угадал мои мысли: «Вы на хоккей завтра идете — «Динамо» — «Монреаль»? Там и встретимся».

...И вот мы в бушующем Дворце спорта в Лужниках. Приходится прорываться сквозь плотное кольцо друзей и знакомых Вячеслава Ивановича, поздравляющих его «с наступающим». «Николай Николаевич Озеров! Здравствуйте! Анатолий Владимирович Тарасов, здравствуйте! Здоров, Володя»,— Старшинов жмет руку Петрову. А вот Леонид Кравченко, нынешний председатель хоккейной федерации. «А это знаешь кто? Серж Савар, генеральный менеджер «Монреаля». Когда-то был одним из лучших защитников в мире. Встречались не раз...». На льду уже разминаются хоккеисты. «Карповцев — одно время учился у меня».

— У вас, это, я понимаю, в МИФИ, где вы заведуете кафедрой физвоспитания.

— Да, в июле стал профессором. Пришел я в МИФИ работать, когда закончил играть. А заканчивал, кстати, два раза. Первый — в 72-м году, и сразу же на три года стал старшим тренером «Спартака». Затем три года работал в Японии тренером-консультантом. Ну а когда вернулся домой, снова попросили помочь «Спартаку». Так что в 78-м году завоевал еще бронзовые медали.

...Судейский свисток — игра началась. И оба мы сразу «поставили» на «Динамо».

— Вячеслав Иванович, вспомните начало встреч между нашими хоккеистами и канад-

цами. 1972 год. Вы ведь тоже играли тогда!

— Наше поколение подготавливало эти встречи. И 72-й год, первая серия матчей сборной СССР и сборной «звезд» Канады явилась огромным скачком в развитии хоккея. В «Олл Старз» тогда были великие мастера — Микита, Бобби Халл, Савар, оба Эспозито — Тони и Фил... Великолепная команда.

— А наша!

— К сожалению, Фирсов тогда не играл — Бобров не взял его в команду. Я был в запасе, выходил на площадку в тройке Харламова и Мальцева. В воротах стоял Третьяк. От «Спартака» выступала тройка Якушев — Шадрин — Зимин. Играли четыре встречи там, четыре — здесь. За океаном серию выиграли, а в Москве — проиграли...

...Наши воспоминания прервала драка в углу площадки. Динамовец Микульчик в рукопашном бою нисколько не уступал канадскому визави.

— Случалось и вам драться во время матча!

— Случалось. Хотя, когда я начинал, в своей зоне вообще нельзя было трогать игрока с шайбой. Сейчас контактная борьба разрешена везде, поэтому и количество стычек увеличилось.

— А в «Спартаке» или сборной были ли хоккеисты, «специализирующиеся» на таких боях!

— Конечно. В каждой команде есть игроки-«бойцы». У нас, помню, был Леша Макаров — никому ни в чем не уступал, благо сложение было мощное.

— Вячеслав Иванович, а с кем вы в «Спартаке» играли — с братьями Майоровыми!

— Сначала с ними. А затем вместо Евгения Майорова в нашей «тройке» выступал Зимин.

— Сейчас встречаетесь!

— Редко. В матчах за ветеранов вместе со мной играют Шадрин, Мартынюк, Капустин. У всех своя жизнь. Майоровы — на виду, Якушев — тренер «Спартака» — тоже. Зимин в каком-то совместном советско-американском предприятии работает. Некоторые в клубе ветеранов...

...В этот момент в который уже раз Михаил Татаринов отработанным «щелчком» заставил вздрогнуть вратаря монреальцев.

— А вот здесь-то можно было и кистевым бросить. Редко сейчас им пользуются, а в основном «щелкают».

— Зато, я думаю, скорости по сравнению с 60-ми возросли.

— Скорости-то возросли, и техники больше сейчас, и мощи. Только в «интеллекте» игра все-таки потеряла. Вот, например, тот же «Монреаль» всегда славился комбинационной игрой, европейской. Оттого и побеждал чаще других в НХЛ.

— Самому не хотелось никогда там поиграть!

— Конечно, хотелось. Два раза меня в «Детройт» приглашали. Да только тогда даже заикнуться об этом было нельзя.

Завтра во Дворце спорта состоится празднование юбилея Вячеслава Старшинова. На льду можно будет увидеть многих хоккейных «звезд» прошлого. Приходите и вы.

Д. ФИЛИПЧЕНКО.

◇

ХОККЕЙ. Чемпионат страны. «Крылья Советов» — «Динамо» (Р) — 3:1.
«Химик» — «Миннесота Норд Старз» — 2:3.

(ТАСС).

ТЕЛЕНЕДЕЛЯ

А слезы капают...

Когда в редакцию пишут — значит, наболело. Когда звонят — это уже совсем серьезно. На днях позвонил читатель-телезритель: «Вы видели, что творится в программе «Время»? Мало того, что рекламируют «Оливетти», так теперь еще на фоне прогноза погоды показывают эмблему какого-то межбанковского объединения! Что они себе думают?»

Я попытался объяснить, что подобные «безобразия» практикуются во всем мире, что сегодня телевидение трудно представить себе без рекламы и т. д. На что получил такой аргумент: «Значит, по-вашему, пускай они там на телевидении деньги лопатой гребут? А что с этой рекламы имеют простые люди?»

Конечно, было бы неплохо, если бы от самого факта появления рекламы «Оливетти» полки начинали ломиться от продукции вышеозначенной фирмы. Или если бы эмблема межбанковского объединения на фоне сообщений Гидрометцентра способствовала улучшению погодных условий на всей территории страны. Но это, сами понимаете, из области фантазии. Реальность же такова, что телерекламы, по всей видимости, будет все больше и больше. Правда, сегодня она чрезвычайно убога и навязчива, часто используется не к месту (свежий пример — расхваливание преимуществ одной из марок часов в детской передаче «С утра пораньше»). А еще чаще это и не реклама вовсе, а обычные объявления. Но за все это Гостелерадио СССР получает деньги, которые, если верить руководителям комитета, сегодня так нужны — и тут я им склонен верить. И очень хотелось бы надеяться, что полученные таким образом средства будут пущены не просто «на улучшение материально-технической базы» нашего телевидения, а на конкретные мероприятия, в результате которых телепередачи станут интереснее, а значит, и простым людям кое-что от рекламы достанется. Кстати, уже достается: благодаря компании «Пепсико» появилась на наших экранах телевикторина «Счастливый случай» — на мой взгляд, самая «развлекательная» передача на нашем телевидении.

А вот на роль самой «информационной» претендуют ленинградские «600 секунд». На прошлой неделе выпуски вел В. Медведев. Я искренне рад за Вадима, который съездил в Лондон и увидел там много интересного, но это не повод для того, чтобы лондонские сюжеты вставлять в передачу, цель которой давать сводку событий дня в одном городе — Ленинграде.

Также по Ленинградской программе вновь стали демонстрировать встречи с докто-

Прунскене берет фамилию мужа

Литовская газета «Республика» напечатала весьма лаконичное сообщение. «Поздравляем: 7 сентября наша премьерша стала Тарвидене». Председатель Совета Министров Литвы К. Прунскене вышла замуж за своего старинного друга, кандидата наук А. Тарвидаса.

В. ЗАРОВСКИЙ.

Куда делась «Черная кошка»

Вот уж поистине оказалось, что «Черная кошка — эмблема печали». Под таким заголовком в пятницу был опубликован анонс новой передачи ЦТ «Черная кошка», подготовленный творческим объединением «Политические диалоги». Заканчивая заметку,

речь о подготовленном нашей редакцией интервью В. Познера с Б. Ельциным. Интервью, напомню, было записано накануне выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, но запрещено П. Н. Решетовым. В постановлении редсовета и партбюро этот

ив друга группы, как «Депеш Мод» и «Вежливый Отказ», «Кино» и «Звуки Му», «Аукцыон» и «Грейтфул Дэд»...

.. Но, знаете, я и по сей день считаю «Аукцыон» одной из самых очумительных групп в нашем совдеповском рок-клане.

Не подписываюсь полным именем, чтобы не подвергнуться репрессии.

Эдик К.

2. Некоторые мысли и воспоминания, промелькнувшие в голове спецкорреспондента «Клуба 33¹/₃» Олега П:

Сначала они выступили в Париже, и мой коллега во Франции ничего не понял и напечатал разгневанную заметку — мол, почему Веселкин (танцор в паре с Гаркушей) просто показывает со сцены, простите, голую задницу. Потом Веселкин объяснил всем, что на нем была такая нормальная я балете штуке, как балетный бандаж, и вообще очень жалко, что внимание сосредоточили на этом, а не на шоу и не на музыке. Потом их (уникальный случай) показали по телевизору на «Музыкальном ринге» и все убедились, что «Аукцыон» действительно не так страшен, как его малюют. Однако во время выступления Гаркуши и Веселкина на мемориале Башлачева в Москве их прямо со сцены арестовали и отправили в милицию, решив, что они — случайные хулиганы, оказавшиеся на сцене. Шевчук, выступавший следом, попытался устроить небольшой ...стинкт срабатывает с исправностью мышеловки.

Шоу «Аукцыона» — блестящая импровизация, экспрессивная, трагикомичная эскапада, редкий случай, когда на сцене получается действительный синтез искусств, стилей и жанров — действует порой оглушающе, особенно если вы думаете до сих пор, что олицетворением эстрады является Лев Лещенко, а вершиной рок-музыки — три напевных аккорда под старенькую гитару.

И то, что «Аукцыона» боятся, трудно объяснить только эпатирующим танцем Володи Веселкина. Дело не я этом. Искусство (тем более философичное искусство) — не легкая жвачка. Оно шокирует. Не буду приводить известные всем примеры.

Много зависит от глаз и ушей. Некоторые увидят голую, допустим, спину и услышат гром барабанов. Другие увидят и услышат музыку, танец — искусство под именем рок. Впрочем, вернемся к «Аукцыону»...

3. Несколько фраз с диктофона (говорит Владимир Веселкин):

Наше искусство — это любовь. Правда, некоторые называют это псевдоискусством — это их право.

Мы не хотели скандала. Но если уж он получился, мы его просто использовали. Теперь нас знает гораздо большее количество людей, чем раньше. А вообще никто из «Аукцыона» не заботится о паблисити. Все заняты своим делом.

Кто такой Гаркуша? Он, безусловно,— главный. Он — центр, и мы все на него ра... гая жизнь. Это этические требования к себе, высочайшее напряжение. От тебя требуется полное соответствие — того, как ты ведешь себя в жизни, что ты говоришь и то, что ты делаешь на сцене. Конечно, как и в другом искусстве, есть и дешевый понт, и какие-то неприятности, хамство, интриги. Но здесь другой совсем уровень требований. Бесспорно, подобный нравственный максимализм создает дополнительные проблемы...

...спокойно» 1987
«Так я стал предателем» 1988
«Дупло» 1989

Пластинки

«В Багдаде все спокойно» («Мелодия»)

«Так я стал предателем» («Вуаля Продакшн», Париж)
«Ленинградский рок-клуб» («Мелодия» — сборник)

Несколько сборников, на которых есть песни «Аукцыона» (Париж, Гамбург).

★★★★★★★★★★★★★★★★★★

★★★★★★★★★★★★★

4. Олег Гаркуша, гуляющий по городу и размышляющий о превратностях жизни и прочих дополнительных проблемах, запечатленный Александром Ш.

Компакт-диск
«Так я стал предателем» («Вуаля Продакшн»)
Видеофильмы
«Давай рок-н-ролл» (Полуофициальная) (H20 — видео, Гамбург).
«Рок вокруг Кремля» (Антенн-2, Франция).
«Аукцыон», «Кино», «Звуки Му» в Париже («Вуаля Продакшн», Париж).
«Аукцыон» (Русское видео ВПТО Видеофильм СССР).
Кино
«Рок» — художественно-публицистический фильм (Видеофильм СССР).

7. Особое мнение Семена Ф., высказанное в очереди за папиросами:

Такие горе-артисты, как Гаркуша, Федоров, Веселкин и вся эта гоп-команда, — передовой отряд международного империализма, мазохизма и гомосексуализма.

Я, конечно, за демократию, но в разумных пределах. Например, в пределах исправительно-трудовой колонии. Нам нужно здоровое искусство!!!

Вот если бы их одеть в военную форму и выдать всем балалайки — это было бы шоу, черт возьми!

8. Шаржи на известных рок-музыкантов, высланные из Магадана Эдиком К. (самые внимательные найдут здесь Гаркушу)

★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★★

К.Кинчев „Алиса"
П.Мамонов „Звуки Му"
О.Гаркуша „Аукцыон"
Б.Гребенщиков „Аквариум"
Шевчук „ДДТ"
РОК

 ★★★★★

...ерша стала Тарвидене». Председатель Совета Министров Литвы К. Прунскене вышла замуж за своего старинного друга, кандидата наук А. Тарвидаса.

В. ЗАРОВСКИЙ.

Приют для Героя

Президиум Красноярского горсовета принял решение о демонтаже бронзового бюста бывшего Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, ровно восемь лет «украшавшего» одну из центральных площадей города на Енисее.

Как сообщили в горсовете, решение это не носит политического характера и принято потому, что бюст установлен «не в соответствии с установленным порядком». Дело в том, что К. У. Черненко родился не в Красноярске, а в селе Большая Тесь Новоселовского района Красноярского края.

Президиум горсовета обратился в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть вопрос о месте установки бюста. А ответ на него нашим парламентариям будет найти совсем не просто, ведь родное село экс-Генсека находится на дне Красноярского водохранилища.

А пока бюст Генсека и трижды Героя решено передать на хранение в Красноярский краеведческий музей.

В. НЕЛЮБИН.

Кому кино?

Для представителей КИНО-ВИДЕООБЪЕДИНЕНИЙ, ЦЕНТРОВ ДОСУГА МОЛОДЕЖИ, КООПЕРАТИВОВ всегда открыты двери коммерческой службы ГТПО «Мосфильм»: звоните, приходите, смотрите и приобретайте право на прокат нового кинофильма.

«ЧЕРНОВ — CHERNOV»

Смотрели ли вы картину, в которой два фильма? Первый — о жизни архитектора Александра Чернова. Второй — рожден в его подсознании, где он, Чернов, уже другой человек, живущий в другой стране, имеющий другую судьбу. Реальное и иллюзорное идут рядом...

Фильм «ЧЕРНОВ — CHERNOV» — цветной, формат обычный, 10 частей.

В фильме снимались звезды советского кино: Андрей СМИРНОВ, Елена ЯКОВЛЕВА, Олег БАСИЛАШВИЛИ, Михаил ДАНИЛОВ, Сергей ЮРСКИЙ, Елена КОРЕНЕВА и др.

Автор сценария — Сергей ЮРСКИЙ (при участии А. ГРЕБНЕВА).

Режиссер - постановщик — Сергей ЮРСКИЙ.

Ждем ваших предложений о приобретении фильмов и условиях проката.

Справки по телефонам: 143-93-63, 143-92-35.

...ма печали». Под таким заголовком в пятницу был опубликован анонс новой передачи ЦТ «Черная кошка», подготовленный творческим объединением «Политические диалоги». Заканчивая заметку, я написал: «...у меня нет уверенности в том, что весь материал, просмотренный мною в аппаратной телецентра, дойдет до эфира». Поди ж ты, накаркал...

В субботу вечером телезрители начали «обрывать» редакционный телефон: передача не вышла в эфир вообще. Утром в понедельник я связался с заместителем главного редактора Главной редакции общественно-политических программ ЦТ Татьяной Бондаренко и попросил ее объяснить, что случилось.

— В общем-то, ничего загадочного не произошло,— ответила она.— В очередной раз нам дали понять, что Закон СССР, освободивший средства массовой информации от цензуры, в нашей телепархии не действует. Пресс политической цензуры в последнее время даже усилился. Ею добросовестно занимается лично первый заместитель председателя Гостелерадио СССР Петр Николаевич Решетов. Это по его указаниям запрещается показ целого ряда программ и сюжетов.

До избрания на пост главы российского парламента запрещалось показывать Б. Ельцина. Закрыт эфир для некоторых народных депутатов СССР.

Объективности ради скажу: мы не хотели бы становиться рупором лишь одних каких-то настроений. Мы стремимся показывать то, так и в таких пропорциях, как это происходит в жизни.

Взятая тов. Решетовым линия вынуждала нас дважды собирать совместные заседания редсовета, партбюро и бюро журналистской организации. В первом случае шла ...тервью, напомню, было записано накануне выборов Председателя Верховного Совета РСФСР, но запрещено П. Н. Решетовым. В постановлении редсовета и партбюро этот запрет был квалифицирован как политическая ошибка. Во втором постановлении было перечислено семь передач, не допущенных Петром Николаевичем к эфиру, и заявлен протест против политической цензуры.

Не рассказав всего этого, нельзя было бы объяснить, что и почему произошло с «Черной кошкой». В этой программе, кажется, впервые была предпринята попытка подробно исследовать социальную базу отечественной мафии, ее горизонтальные и вертикальные связи. В разговоре в числе прочих принимают участие народные депутаты СССР бывший генерал КГБ Олег Калугин, Тельман Гдлян, народный депутат РСФСР Татьяна Корягина.

Что скрывать. Авторы вовсе не питали иллюзий относительно того, как воспримет появление этих людей в кадре П. Н. Решетов. В пятницу поступило сообщение, что программа с эфира снимается. Предлог, как всегда в таких случаях, благовидный и неубедительный: в это самое время необходимо поставить актуальный материал, другого времени нет. Но стоило посмотреть субботнюю программу, и выяснилось, что, конечно, были другие варианты.

Вот и все о «Черной кошке». На том и стоит административно-командная система. Она позволяет держать монополию на истину в одних руках.

И. СИЧКА.

◇

Редакция готова, как это было и прежде, предоставить страницы газеты руководству Гостелерадио СССР для изложения своей позиции.

...донские сюжеты вставлять в передачу, цель которой давать сводку событий дня в одном городе — Ленинграде.

Также по Ленинградской программе вновь стали демонстрировать встречи с доктором Кашпировским. Длительный перерыв был вызван, насколько я понимаю, не только кознями злопыхателей, но и поездками доктора по ряду зарубежных стран. Вступительная часть сеансов стала вследствие этого намного интереснее, поскольку теперь к монологам излечившихся добавились еще и рассказы Анатолия Михайловича о загранице. Впечатления у доктора, насколько можно судить, остались противоречивые. С одной стороны, там — чистота, прогресс, изобилие, с другой — «нигде нет таких симпатичных — даже внешне — людей, как у нас». То есть не надо паниковать, товарищи, есть еще показатель, по которому мы Западу сто очков форы дадим. А если этим симпатичным людям да еще дать правильную установку — представляете, каких дел наворотить можно!

Правда, целительный эффект от встречи с доктором был в значительной мере снижен из-за явной несогласованности действий Ленинградского и Центрального телевидения: по первой программе, как назло, в то же самое время показывали пятую серию «Рабыни Изауры». А поскольку, как я подозреваю, пациенты Кашпировского и любители бразильских мелодрам — это одни и те же люди, то им пришлось стать перед нелегким выбором: то ли самим исцелиться, то ли посопереживать бедной невольнице. Учитывая, что народ у нас не только симпатичный, но и сердобольный, можно предположить, что многие решили на время забыть о своем здоровье. Хотя, как знать, — говорят, слезы тоже лечат.

Некто Б. КАРЛОВ.

Очарование возвращается

На VII Международном конкурсе имени Чайковского японская пианистка Мичиэ Management Кояма очаровала всех — от публики до председателя жюри. Кояма необычайно чутко показала себя именно в исполнении русской музыки.

И вот — новая встреча с Мичиэ. 19 сентября в Большом зале Консерватории состоится ее сольный концерт. Какой услышим свою тогдашнюю любимицу?

Мы переживаем сейчас не лучшие свои дни, и будущее пугает своей неизвестностью. «До музыки ли тут!» — скажете вы. Но неужели мы допустим, чтоб посланница страны, где музыка возведена в культ, выступала в пустом зале?

ВАСИЛЬЕВА

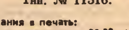
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

НАШ АДРЕС:
Для писем — 125866, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24. 6-й этаж, «Комсомольская правда».
Для телеграмм — Москва, 748, улица «Правды», 24.
Телефоны для справок: 257-20-56, 257-21-39, отдел новостей 257-26-26; отдел писем 257-20-69.

Газета передана в Челябинск по фототелеграфу.
Отпечатана типографией «Челябинский рабочий».

Газета выходит 300 раз в году.

Индекс 50057.
Тираж 21.925 000 экз.
Тип. № 11516.

Время подписания в печать: по графику 22.30, номер подписан я 23.30.

